

Наталья
СОЛНЦЕВА

ЧЕРНАЯ
РОЗА

ИГРА С ЦВЕТАМИ СМЕРТИ

Наталья Солнцева
Черная роза
Серия «Игра с цветами смерти», книга 4

Текст книги предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163658
Солнцева Н. Чёрная роза: Роман: Фолио; Харьков; 2002
ISBN 966-03-1727-1

Аннотация

Герой романа Сергей Горский становится обладателем старинного флорентийского медальона дивной красоты. История таинственного медальона началась за много веков до описываемых событий.

Знаменитый флорентийский ювелир и алхимик создал это удивительное украшение для своей возлюбленной. Девушка погибает, а медальон исчезает во мгле веков, чтобы однажды появиться то в виде фамильной драгоценности французского маркиза, то в роил экспоната коллекции московского ювелира, позже в виде экзотической редкости на лондонском аукционе.

Все, кто когда-либо прельстился драгоценным украшением, – зверски убиты. Серия страшных преступлений захлестнула Москву, Париж, Альпы... И все они связаны с тайной флорентийского медальона.

Удастся ли Горскому разгадать эту тайну, останется ли он жив, спасет ли свою любимую или погибнет от проклятия, тяготеющего над обладателем медальона?..

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	13
ГЛАВА 3	20
ГЛАВА 4	29
ГЛАВА 5	36
ГЛАВА 6	43
ГЛАВА 7	50
ГЛАВА 8	57
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Наталья СОЛНЦЕВА

ЧЕРНАЯ РОЗА

Все события вымышлены автором.

Все совпадения случайны и непреднамеренны.

«Будьте осторожны... ведь вы можете получить то, что призываете».

Дуглас Монро, «Утерянные книги Мерлина».

ГЛАВА 1

Черные буковые деревья стили на ледяном ветру; они цеплялись корнями за жесткую каменистую почву высокого холма, окружая мрачное строение, похожее на четырехугольный замок, с башнями по краям и узкими высокими окнами в толстых стенах. Стены замка, сложенные из огромных камней, были покрыты плющом; подножие утопало в густых зарослях боярышника и бузины.

По низко нависшему небу плыли тяжелые свинцовые тучи, полные дождя и мокрого снега. Смеркалось. Наступала первая ночь Великого Праздника Мертвых, – Самхейн, – когда от вечерних сумерек и до рассвета открыта Пылающая Дверь между мирами...

– Три ночи, которые еще не наступили, три дня, которые пройдут, три жизни, которые забыты, три раза голос Дракона созовет достойных, которые смогут войти... дабы увидеть, соединилось ли то, что разорвано на части...

Слова заклинания замирали высоко под сводчатым потолком, многократно отраженные от угрюмых стен. Зловещая полутьма кое-где рассеивалась дрожащими огнями, колеблющимся пламенем свеч. Тонкая, закутанная с ног до головы в непроницаемый темный плащ фигура, словно плыла, черной жемчужиной сияя в этом черном чарующем мире, зияющем, подобно обманчивой бездне, преисподней, окутанной мраком, полной безудержно вьющихся неясных образов... Черная затягивающая тьма сгущалась вокруг фигуры, произносящей слова магического ритуала. Перед ней на возвышении, покрытом черным бархатом, стоял человеческий череп с горящими глазницами, в воздухе носился аромат эжженого сандалового дерева и ягод можжевельника.

– О, Владыка Тьмы! Называю твое тайное имя, древнее и священное, дошедшее до нас сквозь непрерывно изменяющиеся миры, которые приходят и уходят, не оставляя следа. Ты принимал множество обликов, Вездесущий и Грозный, дыша разрушением и смертью, владея Властью Ночи, которой мы начали свой путь!.. Нет других троп, ведущих к источнику Черной Бездны, к холодному сердцу Темной Луны...

Черная тень скользнула из угла, подобралась к закутанной в плащ фигуре, легла у ее ног. Это была пантера, глаза ее дико сверкали в полумраке, тяжелое дыхание раздавалось под мрачными сводами, смешиваясь с дыханием человека, дымом благовоний и свечного воска. Из длинного коридора бесшумно вынырнули несколько темных фигур... Три Черных Рыцаря, три Всадника Черной Бездны предстали перед своим повелителем.

– О, Великий, видящий за пределами, которому известна суть вещей, и полет Воронов, и странствия звезд, и плавное движение корабля судьбы, – хранящие молчание приносят тебе! Хранящие молчание, в преддверии звука могущественного Имени, величественного Имени...

Все трое преклонили колени перед сияющей черными переливами фигурой у странного и зловещего алтаря.

– Дух великих событий летит впереди событий... В тенях сегодняшнего рождается завтра! – промолвила фигура, отделяясь от пространства Тьмы и приближаясь к Рыцарям. – Сегодня мы услышим пророчество... Все ли готовы?

– Все... – прошелестело под высокими сводами, теряющимися в непроницаемом мраке.

Фигура подошла к алтарю и привела в движение некий скрытый рычаг, поворот которого вызвал скрежет и тяжелое перемещение каменной плиты, открывающей Священный Колодец. В бездонной глубине его притаился вечный холод...

– Спрашивай... – прошелестели Черные Рыцари, указывая на Колодец. – Он ждет!

Сияющая фигура приблизилась к отверстию и слегка наклонилась...

– О, Благословенный Король Острова Могущества, ответь мне! Голос священной головы, я зову тебя в печали! Голос священной головы, я зову тебя из холода! Голос священной головы, я зову тебя из мрака, из непроницаемых вод, никогда не видевших света! Из глубин я зову тебя! Мы оделись в черное, мы выходим за пределы, погружаясь в мир теней, в самое сердце темного урагана, который наполняет это пространство, порождающее все вещи... Ни одному посвященному не позволено узнать его имя. Мы заменили саму нашу кровь таинственным льдом, превратившись в потоки... Мы заполнили свои тела светом Луны, чтобы подготовиться к Охоте, которая скоро начнется!

Черные Рыцари застыли в странной и отрешенной неподвижности чуть в отдалении от Колодца. Они превратились в слух, всем своим существом внимая тому, что должно было прозвучать.

Сияющая фигура подняла над отверстием Колодца толстую голубовато-зеленую свечу, горящую неровным, рассыпающим искры, пламенем.

– Чего мне ожидать с Запада? – спросила фигура, чуть раскачиваясь над Колодцем из стороны в сторону. – Что ждет меня и моих Черных вассалов? В час твоего Могущества, в час твоей Силы, вопрошаю тебя, священная голова...

– Что именно ты хочешь узнать?... – зловеще и гулко прошелестело из Колодца, и по всему помещению пронесся ледяной сквозняк.

Если бы в жилах собравшихся текла обычная человеческая кровь, она превратилась бы в лед и разорвала вены и артерии, вызвав мгновенную и страшную смерть.

– Я хочу получить Власть над Знающим! – воскликнула фигура. – Золото... Меня интересует золото.

– Хорошо... – прошелестел Колодец – Ты получишь то, о чем просишь... но только на три дня. Если не успеешь осуществить задуманное, твоя цель не будет достигнута. Наклонись ниже...

Фигура склонилась, прислушиваясь. Колодец, устами священной головы, назвал ей три дня, в которые она сможет иметь безраздельную Власть над Знающим. Удовлетворенно выпрямившись, и сделав знак Черным Рыцарям, что долгожданный ответ получен, фигура сказала:

– Это только один вопрос и один ответ, который пришлось ждать Северному Ветру за Пылающей Дверью. Эта Тринадцатая Ночь, вращающая Столб Времен, наконец, наступила... когда Земля Призраков открывает свои ледяные объятия. Она должна трижды ответить нам!..

– Спрашивай... – прошелестел Колодец, и эхо замерло далеко вверху, потерявшись в мрачной темноте сводов.

Фигура подняла над отверстием в бездну свечу из красного воска, склонилась.

– Я хочу узнать Имя Светлого Рыцаря... – сказала фигура. – Где он и что задумал? Продолжается ли Сон Огня?

Колодец молчал так долго, что в сумрачном воздухе образовались и закружились кристаллики снега, вспыхивающие в неровном пламени свеч.

– То, чего уже нельзя предотвратить, свершилось... – выдохнул Колодец, и Черные рыцари вздрогнули, все, как один.

Фигура со свечой отшатнулась.

– Смотри... – прошелестела священная голова, и над Колодцем появился красный туман, внутри которого проступало неясное видение – праздничный стол, красивая смуглая женщина в бархатном наряде улыбается, целуется с высоким мужчиной; у него светлые волосы и глаза; в камине пылает яркий огонь, трещат дрова, за окнами – пелена снега...

– Проклятие! – воскликнула фигура, и черное сияние ее несколько померкло. – Это случится зимой, но время не остановишь! То, что не должно было соединиться, – соединилось и стало вновь одним целым! Дикий огонь снова вспыхнет! Затерянные голоса зазвучат по всему миру! Проклятие! Мы только смотрим вслед...

Красный туман над Колодцем скрыл видение, и вместо него появилась голова женщины с огромными зелеными глазами, которая смеялась. От ее смеха все темное пространство наполнилось изумрудным сиянием. Черные Рыцари закрылись плащами, и только фигура со свечой не опустила головы.

– Они уже не в твоей власти, эти двое! – воскликнула женщина, тряхнув золотыми волосами, в которые вплетены белые лилии. – Это говорю я, Царица Змей!

Ее смех взмыл в черноту сводов и замер там.

– На этот раз тебе не уйти! – прошипела фигура в черном, и бросив свечу, протянула руки в густоту красного тумана.

Скользкое тело змеи проскользнуло у нее между ладоней и исчезло в Колодце. Наступила неподвижная, оглушительная тишина. Красная свеча догорела на полу, вспыхнув последний раз снопом искр, и потухла.

Один из Черных Рыцарей подошел к застывшей в отчаянии фигуре, почтительно склонившись, подал ей желтую свечу.

– Обряд не закончен, – еле слышно шепнул он, и его водянисто-прозрачные глаза недобро блеснули. – Продолжай... Мы еще не все узнали.

Колодец клубился белесым туманом, который вверху превращался в кристаллики льда, черные, как дымчатый топаз, с едва слышным звоном осыпающиеся на золотой обод вокруг отверстия Колодца. Казалось, что в воздухе было слышно жуткое дыхание священной головы.

Фигура в плаще взяла свечу из желтого воска, нетвердой походкой двинулась к Колодцу. Остановившись, протянула свечу в молочно-белый туман.

– И последний вопрос, священная голова... Открылось ли знание Востоку? Обрел ли он свою Силу?

Туман над Колодцем стал гуще, а потом начал свиваться в золотые кольца и цепи, принимать самые причудливые формы, наподобие голов дракона с высунутыми длинными языками.

– Некто вернулся... – простонал Колодец. – Многие вернулись из прошлых времен... Пришли. Но они пока не...

Отдаленный, гулко отозвавшийся в темных глубинах удар невидимого колокола возвестил, что время Пророчества истекло...

Темная безлунная ночь неслышно скользила над маленьким французским городком. По площади, вымощенной камнем, отполированным колесами и множеством ног, ветер гонял пожелтевшую листву каштанов. Очень старый и мрачный готический собор тонул в сыром тумане. Несколько фонарей у мэрии создавали призрачный желтый свет. Посреди пустынного рынка возвышался шест с традиционной тыквой, напоминающей человеческий

череп, внутри которого горела свеча. Эта тыква – Голова Брана ¹. Плавающие глазницы и кривящееся отверстие рта должны были отпугивать призраков и злых духов, которые во множестве проникали через Дверь Между Мирами в привычную реальность людей.

Самхейн, Хеллоуин наступил! Он поднимает покров, разделяющий два мира. Это время вне времен, ночь вне ночей, в которую между осязаемым, твердым миром, и миром духов появляется невидимая брешь, через которую свободно перетекает жизнь туда и сюда. Символ праздника – Голова Брана, охраняющая и защищающая людей. Призраки дрожат и бегут под взглядами прорезанных глаз, оранжевых и горячих, глядящих из пустых тыкв. Огромный Бран, прокладывающий тропу через девственные заросли терновника, указывает путь. Впереди – вход в Потусторонний мир...

Под ногами редких прохожих, спешивших по домам, хрустели желуди. Три дня праздника Самхейн в этом году выдались ненастными. Дул северный ветер, из низко плывущих туч сыпалась ледяная крупа. Маленькие узкие улочки рано опустели, – жители городка спешили домой, к горящим очагам, в тепло и уют своих домов. Трубы дымили, повсюду на огромных старинных кухнях пекли печенье, пирожные и торты. Над городком стоял запах корицы, песочного теста, изюма и ванили, – никакой ветер не мог разогнать его. По легенде, в дни Самхейна бродят повсюду заблудшие, неприкаянные души, которые могут постучать в любую дверь. Именно для них простые люди оставляли за порогом сладости и угощения. Призрак наестся вкусных пирожных и оставит хозяев в покое, уйдет, не причинив зла.

Нина Корнилина, вдова, которой исполнилось тридцать, стояла у окна домика, где ее поселили владельцы галереи, два симпатичных пожилых француза, пригласившие ее сюда. Она смотрела в ночь. Ветер швырял в окна снежную крупу. На холмах горели костры, – их разожгли те, кто собирался в этот кельтский ² Праздник Мертвых вызывать духов, беседовать с ними. Нина зябко повела плечами, ей было не по себе. Первый раз с тех пор, как она приехала во Францию.

Артур Корнилин, муж Нины, умер при странных обстоятельствах сразу после своей персональной выставки, принесшей ему заслуженную славу и громкий успех. Множество картин были проданы за рубеж. Множество восторженных отзывов появилось на страницах художественных журналов. Множество галерей выразили желание устроить у себя экспозиции работ Артура. Но художник ничего этого уже не увидел, он был найден мертвым в своей мастерской.

Нина тогда очень испугалась. Вряд ли она понимала, что делала. Имущество Артура было продано ею поспешно и в панике. Хорошо, что рядом оказался Сергей Горский, старый друг, еще по Питерской художественной академии. Он помог продать картины и вещи Корнилина за более-менее приличные деньги. Нина готова было спустить все за бесценок, такой ее обуял страх. Единственное желание, – скрыться, исчезнуть, спрятаться, – руководило ею безраздельно. Артур перед смертью предупреждал ее, он предвидел, как будут развиваться события. Зря Нина ему не верила, считала, что у него не все в порядке с психикой, списывала все его видения на алкоголь и нездоровый, расстроенный ум.

Она отнеслась серьезно к словам Артура только после того, как его не стало. Это оказалось последним и решающим доводом, – смерть. Почему люди так беспечны, так небдительны, так недоверчивы? Откуда в них это непонятное, бравирующее упрямство? Это нежелание видеть что-то, выходящее за привычные рамки? Эта душевная и умственная лень, граничащая с глупостью?

¹ Бран – дух, защищающий от нечистых и потусторонних сил.

² Кельты – древние индоевропейские племена, обитавшие во 2-й половине 1-го тыс. до н. э. на территории современной Франции и др. стран.

Нина всегда думала, что она мудрая и дальновидная женщина, которая знает, что ей делать. Она редко поддавалась эмоциям, рассуждая трезво в различных непредвиденных и запутанных ситуациях, которых в ее жизни с Артуром Корнилиным было, хоть отбавляй. Кроткий и отходчивый характер помогал ей уживаться с таким взрывным темпераментом, такой пылкой и легковозбудимой творческой натурой, как ее супруг. Но последние два года оказались невыносимыми даже для нее. Ситуация все больше и больше накалялась, усложнялась и выходила из-под контроля. Нина силилась вспомнить, что послужило толчком, что спровоцировало изменения, стремительно происходящие с Артуром. Откуда появился тот патологический, необъяснимый страх, который буквально сводил его с ума?

Постепенно она сама начала бояться. Страх проник в ее сердце незаметно, исподволь, как вроде бы ниоткуда появлялся туман над озером, куда Артур возил ее знакомиться с дедом Ильей и его необычным семейством. Сколько с тех пор прошло времени! Кажется, что целая вечность... А на самом деле каких-то несколько месяцев. Неужели, только этим летом Артур ездил в харьковские леса искать натуру для своих знаменитых картин «Изгнание из рая» и «Царица змей»? А может быть, именно с этого лесного озера все и началось? Может, и правда оно заколдованное, и Царица Змей, – настоящая, а не выдуманная, – посмотрела ему в глаза своими пылающими зелеными очами и погубила навеки?

Нина почувствовала, как по телу побежал ледяной озноб. За окном, у которого она стояла, расстилалась земля Франции, на холмах вдалеке горели жутким светом ритуальные костры, в холодной чужой ночи свершалось чужое таинство общения с мертвыми, обычай, пришедший из такой временной дали, что казался нереальным. Дикая игра под диким, безлунным ледяным небом...

– Почти, как купальские огнища, – подумала Нина. – Только те жаркие, живые, а от этих веет мертвящим холодом. А может быть, у меня просто нервы разыгрались?

Женщина отошла от окна и задвинула шторы. С тех пор, как умер Артур, она нигде не чувствовала себя в безопасности.

– Беги... – вспомнила она его безумный, дрожащий шепот, горячечный блеск глаз. – Прячься... Если меня не станет, ты окажешься один на один с ними... Никому не говори, где ты, куда едешь... Исчезни, не оставляя следов. Иначе...

Тогда Нина уже ощущала страх, но думала, что это безумие Корнилина так опасно влияет на нее. Он оказался прав, предсказывая свою смерть. Пожалуй, даже лесное озеро тут ни при чем. Все началось гораздо раньше, когда у Артура вдруг появились все эти видения, которые он переносил на свои полотна с такой гениальностью, что хотелось плакать и одновременно таять от восхищения и восторга.

Нина вспомнила, как художник лежал мертвый в своей мастерской, усыпанной осколками гипсовых масок и глиняных кувшинов, среди разбросанных холстов, красок и кистей, – такой одинокий, отрешенный уже от этого мира, в котором так и остался никем до конца не понятым, – даже ею, женщиной, которую любил. Слезы потекли по ее побледневшему лицу. С улицы доносился запах дыма из печных и каминных труб, слабый, едва слышный бой ритуальных барабанов; завывал ветер, в стекла стучала ледяная крошка.

– О Господи, Господи! – взмолилась Нина. – Почему все это происходит со мной? Как я оказалась совсем одна, в чужой стране, где все чужое и все чужие? Где никому нет дела ни до меня, ни до моего горя, ни до Артура? Его картины представляют коммерческий интерес, только и всего. Деньги! Вот идол, которому поклоняются все эти люди. Напрасно я приехала сюда.

Она вспомнила свое паническое бегство из Харькова, брошенный дом, где умер Корнилин, их старую, густо заросшую акацией улочку, ромашки во дворе... Она почувствовала себя такой обессиленной, словно жизнь начала вытекать из нее по капле, когда Артура не

стало, и вот теперь она пытается удержаться на краю обрыва, а последние жизненные силы угасают, и с этим ничего нельзя сделать.

Нина присела на высокую деревянную кровать, всю изукрашенную старинной бретонской резьбой, и устало вздохнула.

Она была искусствоведом, и у нее загорелись глаза, когда она впервые вошла в этот дом, больше похожий на музей быта позапрошлого века, – теперь же все это показалось ей таким далеким, неважным и даже, пожалуй, пустым. Гораздо интереснее для нее сейчас были бы люди, которые здесь обитали, переживая драму жизни, любили, надеялись, мечтали... Куда все это ушло? Уходит человек и уносит с собой всю свою вселенную, великую и неповторимую, как загадочная далекая Звезда. Если бы знать, на каком небосклоне она загорится вновь!

Тогда, убегая из Харькова, она, объятая страхом, уехала в Кострому, где гостила у тетки, но долго там не задержалась. Гонимая неведомой опасностью, Нина переезжала с места на место, меняла города и небольшие поселки русской глубинки, пока, наконец не остановилась в крохотном рыбацком селении близ озера Хандога, затерянного на необъятных просторах Архангельской области.

Дома рыбаков стояли у самого берега. В пустых дворах сушились сети, под навесами лежали дрова, почерневшие от сырости. Вдалеке виднелся еловый лес. Озеро было огромное и неприветливое, ветер гнал над ним низкие серые тучи, свинцовые волны кое-где закручивались барашками. На деревянных мостках женщины полоскали белье в ледяной воде.

Нина ходила в лес по грибы и по ягоды вместе с Катериной, у которой она снимала комнату в деревянном рубленом доме, сухом и теплом, полном запаха лампадного масла и хлеба, который в поселке каждая хозяйка пекла сама. В большой горнице висели темные старые иконы в серебряных окладах, под ними горели лампадки, под потолком сохли пучки трав. На выскобленном добела деревянном столе стоял выпеченный с утра хлеб, накрытый чистыми полотенцами, кувшины с моченой брусникой и клюквой, пироги с рыбой. Муж Катерины уходил на охоту и пропадал неделями, женщинам было некуда девать время, и они переговорили обо всем, что приходило в голову.

Говорила, в основном, Катерина, – о том, как ей надоело одно и то же: лес, озеро, несколько домов на берегу, жареная рыба на обед и ужин, соленые грибы, клюква, стук дождя по крыше, зимой снег по пояс, мороженое мясо, нескончаемые метели и бледное студеное небо. А Нине все нравилось. Грибы собирать было одно удовольствие – присядешь на корточки, и, не вставая, наберешь целое ведро волнушек или оранжевых подосиновиков. Ножки Катерина велела не брать, – только шляпки. Вернувшись домой, женщины растапливали баню, мылись, жарили на большой сковороде грибы, пили чай с медом диких пчел. Спали на высоких жарких перинах, застеленных вышитыми крестом простынями.

– Это еще мое свадебное приданое, – говорила Катерина. – Свекровь покойная вышила. Красиво?

Нина соглашалась. Северная вышивка поражала ее своей простотой и изысканным вкусом. Она уговорила Катерину показать ей содержимое сундуков, и они часами перебирали и рассматривали пододеяльники, наволочки, передники, старинные юбки, кофты из тонкого отбеленного полотна, головные повязки. Сундуки пахли нафталином и можжевельником, и напоминали Нине детство. Все это было ново и замечательно, – и огромное суровое озеро, и большие смоленые лодки на берегу, и неспешный северный говор, и одинокое житье, и рубленая баня во дворе, и огромная русская печь, в которой Катерина варила уху из рыбы, картошку и пекла пироги. Вместо кастрюль у нее были закопченные казаны, которые она таскала из печки ухватом. Такое Нина видела только в кино, и не переставала удивляться, как по-старинному не торопясь, основательно и спокойно живут еще на земле люди. Она тоже успокаивалась, приходила в себя. Где-то далеко, за необозримыми далями и непрохо-

димыми лесами остались городская суэта, сутолока, шум, волнения и тревоги. И даже неведомая опасность словно отступила, стала постепенно забываться.

По утрам Нина ходила к колодцу. Бледный рассвет стыл над оловянными водами Хандоги. Пожухлая трава покрывалась седой изморосью, в пустынных палисадниках гулял ветер. Казалось, на тысячи километров вокруг нет ни души. Былые страхи чудились нервным кошмаром, который ушел и не вернется. Невозможно было себе представить, что кто-то может добраться сюда, на край земли, чтобы расправиться с ней так же, как расправились с Артуром. Неизвестные враги остались так далеко, что стали почти сном. Таинственный «черный человек», – проклятие гения, – тоже превратился в призрака, рожденного больным воображением сначала художника, а потом и ее, Нины. А может, и в самом деле, она все это выдумала?

Она вспомнила, как прощалась с опустевшим харьковским домом, бродя по комнатам, все еще хранящим запахи масляных красок и индийских благовоний, которые любил Артур. Слабый аромат сандала заставил ее задуматься. У Корнилина был потайной ящичек в изголовье кровати, который был его причудой, одной из его экстравагантных странностей и капризов. В этом ящичке он хранил большой ларец из сандалового дерева, покрытый изумительно красивой резьбой. Артур никогда ни при ком не открывал ларца, и Нина не знала, что он там хранил. Она и не интересовалась. Ей хватало забот и хлопот, к тому же Корнилин терпеть не мог расспросов, и говорил что-то только тогда, когда сам считал нужным. Нина привыкла к этому и не приставала по пустякам. А когда он умер, мысль о ящичке и ларце просто не пришла ей в голову. Сразу столько навалилось, – горе, страх, похороны, распродажа имущества... Массивная деревянная кровать, сделанная на заказ, по эскизам художника, так и не проданась. Никто не пожелал ее приобрести. Она казалась неуклюжей и излишне громоздкой.

– К счастью? – спросила себя Нина, входя в спальню.

Пахло пылью и валериановыми каплями. Здесь она расчесывалась, готовясь ко сну, в ту самую ночь, когда Артура не стало. Нина чувствовала себя виноватой, что сердце не подсказало ей, какая их ожидает беда. Ничего не подозревая, она легла и уснула. Ужасно...

Кровать стояла одинокая, без матраца и горы пуховых подушек, разоренная, ставшая ненужной. Нина ощутила, как сильно забилося сердце. Она подошла к изголовью, увенчанному высокой деревянной спинкой, и нащупала внизу планку с пружиной. Механизм оказался исправным, и потайной ящичек выдвинулся быстро и бесшумно. У нее перехватило дыхание, когда она увидела сандаловый ларец, целый и невредимый. Никому не пришлось в голову искать его здесь. Даже она сама совершенно о нем забыла. Неужели, это Артур подсказал ей? Он всегда говорил, что между ними существует незримая связь, которую ничто разорвать не в силах, даже смерть.

Сандаловый ларец, – это единственное, что Нина взяла с собой, кроме документов и денег, пускаясь в свое непредсказуемое путешествие. Только в Костроме, у двоюродной тетки, закрывшись вечером в комнате, она открыла ларец. Руки дрожали, а по лицу текли слезы. В ларце оказались дневники Артура, – несколько толстых тетрадей в кожаных обложках. Корнилин любил все необычное, дорогое и красивое.

Нина вздохнула и закрыла ларец, – она поняла, что пока не в силах сделать это: открыть тетради и прочитать то, что в них написано. Просто не в силах. Она не может. Ей вдруг захотелось уехать еще дальше на север, исчезнуть, затеряться в глухой российской глубинке. Следующим утром она отправилась на вокзал и села в поезд, оставив тетке поручение ходить на почту и проверять, нет ли чего на ее фамилию «до востребования». Нина ждала сообщения от маклера по поводу продажи дома: ей были нужны деньги. Неизвестно, сколько времени придется прятаться. Сначала она хотела использовать киевский главпочтамт, но потом передумала. Кострома дальше, у тетки другая фамилия, – не Корнилина, а Елизарова. Так

безопаснее. Нина записала теткин телефон и сказала, что сама будет звонить. Если придет сообщение от маклера, она скажет, что делать дальше. Тетка мелко кивала седой головой, щурилась и плакала. Она была совершенно одинокая, а Нина, ее единственная родня, хоть и дальняя, уезжает, не оставляя адреса. Даже проводить не разрешает. Что нынче за молодежь?

Нина ехала все дальше и дальше в сторону диких хвойных лесов и Белого моря, – за окнами вагона тянулись почерневшие штабеля бревен, редкие поселки, бесконечная полоса темных вековых елей. На глухой, затерянной в лесах станции, она вышла. Дальше поехала на автобусе, не зная точно, куда, зачем. Так она добралась до Хандоги.

Здесь, у Катерины в доме, она остановилась на время. На сколько? Бог знает! Нина решила полагаться на свою интуицию и шестое чувство. Теперь пусть они ей подсказывают, как жить, что делать.

Однообразная, как рябь на озере, жизнь в рыбацком поселке, безлюдье, невероятные глушь и тишина, вернули Нине душевное равновесие. Она решила взяться за дневники Артура.

Почерк у художника был неразборчивый, а в этих тетрадах – особенно. Как будто Корнилиин писал их то ли в темноте, то ли в подпитии, то ли спросонья... ни слова не разберешь! Уж на что Нина умела догадываться, что означают каракули ее супруга, но тут и она стала в тупик. Прочтение записей оказалось делом кропотливым и медленным. К тому же Нина старалась это делать только оставаясь в доме одна, когда муж Катерины уходил на охоту, а она сама уезжала в соседний поселок к сестре. Тогда Нина запирала двери, зажигала какую-то довоенную настольную лампу и садилась разбирать записи в тетрадах. То, что удалось прочесть, она переписывала наново, и так постепенно, страничка за страничкой, дело продвигалось.

Сентябрь моросил дождями, унылыми и нескончаемыми. Госпожа Корнилиина заскучала и в один из ненастных, каких-то сизых промозглых дней, напросилась с Катериной в гости к ее сестре. Этот другой поселок оказался побольше, – в нем было дворов двадцать, и, самое главное, – имелись почта и телефон.

Сестра Катерины угощала их жареной рыбой, пышными пирогами с брусникой, горячим чаем. От бани Нина отказалась, решила прогуляться. Стояла светлая холодная ночь, в пустых дворах брехали собаки. Госпожа Корнилиина зашла на почту и позвонила в Кострому. Дрожащим от волнения и обиды голосом тетка Елизарова сообщила ей, что «до востребования» пришли деньги, довольно приличная сумма, и письмо.

– Это от маклера, – догадалась Нина, и у нее от волнения перехватило горло. – Почему я испугалась? Ведь все хорошо, все идет, как должно было быть, как я сама задумала! Почему забытое уже беспокойство шевельнулось вновь?

– Почему не звонишь, ведь обещалась, – причитала тетка. – Я совсем одна, помирать скоро буду. Приезжай...

– Обязательно, только не сейчас, – машинально ответила Нина, напряженно думая о своем: как поступить?

– Обманешь ведь, знаю... – заплакала тетка. – С деньгами-то чего делать? Выслать тебе, что ли?

– Вышли, пожалуйста, вместе с письмом. – И Нина продиктовала адрес поселка.

В эту ночь она так и не смогла заснуть. Притихший, но не покинувший ее страх, вновь завладел ею. Беспочинная нервозность вызвала сердцебиение и головную боль. Нина забросила записи Артура, она ничего не могла делать, – только сидела у окна, смотрела на озеро, на черный лес в дымке дождя, и ждала.

– Ты, чай, не заболела? – спрашивала ее Катерина, заглядывая в побледневшее лицо гостьи. – Прямо сама не своя стала! Я тебе травы заварю, выпьешь на ночь.

Нина послушно пила, но болезненная тревога не проходила. В начале октября пришли деньги и письмо. Маклер сообщал, что дом продан, и что он посылает еще письмо из Франции. Всю остальную корреспонденцию, пришедшую на его имя для Нины Корнилиной, он выбросил, как она и велела, а это решил все-таки послать. Вдруг, что-то важное?! Франция все-таки, Европа! Может, премия какая-нибудь Артуру? Мало ли...

Нина распечатала конверт, думая о том, что она ни слова не понимает по-французски, – но письмо оказалось на русском языке. Нину Корнилину приглашают владельцы парижской галереи, которые хотят устроить выставку картин ее мужа, составленную из работ, хранящихся в частных коллекциях. Они предлагают мадам Корнилиной представлять на выставке творчество Артура Корнилина, прочитать несколько лекций по искусствоведению и написать в художественный журнал статью о жизни ее гениального супруга. Французские ценители искусства с нетерпением ждут мадам Корнилину в Париже. Виза и необходимые документы будут готовы. В Москве могут возникнуть небольшие формальности, которые ей поможет уладить чиновник из посольства, с которым есть договоренность.

Франция! Лувр! Версаль! Лазурный берег! Виноградники Лангедока! Шампань и Прованс! Марсель, Бордо и Альпийские курорты! Эти названия музыкой зазвучали в голове Нины. Она с детства мечтала побывать во Франции, завидовала Сергею Горскому, и вот... ее мечты сбываются! Ее приглашают в Париж! Обещают интересную работу, деньги, путешествия по этой прекрасной стране... Она не стала колебаться. Тем более, что Франция еще более надежное укрытие, чем озеро Хандога. Уж туда точно не доберутся недоброжелатели Артура, там она будет в полной безопасности!

Ночью Нине снились высокотравные альпийские луга, заснеженные горные вершины, Монблан, лыжники, освещенные солнцем, Елисейские поля, сад Тюильри и напоследок – цветущие на морском берегу магнолии...

ГЛАВА 2

В Париже Нину встречали два пожилых француза. Именно они собирались устроить в своей галерее на Монмартре выставку работ Артура Корнилина.

– Мадам, – говорили они. – Никто лучше вас не сможет рассказать парижанам о творчестве вашего мужа. Оно такое необычное, такое загадочное и прекрасное! У нас не привыкли к такой пылкой игре воображения, такому изощренному полету фантазии!

Нина смотрела из окна автомобиля на набережную Сены, на кружево Эйфелевой башни, на Дворец правосудия, на аккуратно подстриженные деревья, на спешащих по своим делам горожан, и ей казалось, что она спит и видит сказочный сон. Ее поселили в небольшом старинном городке близ Парижа, где на окраине возвышались величественные развалины двух замков и монастыря, а на узких тесных улочках то и дело попадались заросшие травой и цветами остатки крепостных сооружений.

Месье Рене Дюшан, старший компаньон, снял для нее домик, весь увитый розами и диким виноградом, листья которого бордово горели на осеннем солнце. Домик был двухэтажный, каменный, с крутой двускатной черепичной крышей, с огромной кухней, увешанной медной, начищенной до блеска посудой, с просторными комнатами и громоздкой деревянной мебелью. В комнатах было сумрачно, пахло гвоздикой и чисто вымытыми полами.

Хозяйку дома звали Жаннет. Несмотря на преклонный возраст, – ей было около восьми-десяти, – она оказалась весьма подвижной, разговорчивой и прекрасно справлялась с домашними делами. Жаннет показала Нине ее комнату на втором этаже: деревянные панели на стенах, бюро, старинная кровать-шкаф, – все было покрыто великолепной бретонской резьбой. Нина ахнула. Каждая вещь, которой ей предлагали пользоваться в повседневной жизни, вполне могла бы быть музейным экспонатом. Рядом с комнатой была ванная, – большая, с каменным полом и старинным умывальником, фарфоровыми кувшинами на полках. Сама ванна, круглая, с покрытыми орнаментом краями, поразила Нину своими размерами. Жаннет предупредила, что воду для купания приходится нагревать, но мадам Корнилина просто должна предупредить, когда ей это понадобится.

Жаннет довольно свободно изъяснялась на ломаном русском языке: ее покойный муж был русским эмигрантом, аристократом, «из самого Петербурга». Там, в этом ужасном, сыром климате он подхватил чахотку, потому и скончался так рано. Хозяйка дома говорила об этом без слез, – она давно свыклась со своим одиночеством, и оно не тяготило ее. Два раза в неделю к ней приходила племянница, помогала по хозяйству, а продукты ей привозили прямо домой, по заказу. Жаннет обожала шоколад, красное вино и устриц с лимоном. Еще она любила курить, стоя у окна и глядя на холмы. В связи с возрастом, она могла позволить себе только одну сигарету в день, и это было для нее настоящим наслаждением.

– У меня осталось мало радостей, – говорила Жаннет, застенчиво улыбаясь и сверкая молодыми черными глазами. Ее лицо, почти без морщин, покрывалось слабым румянцем, и абсолютная, белоснежная седина волос казалась неестественной.

Нина решила в свободное от подготовки к выставке время заняться дневниками Артура, но все не получалось. Ее иногда приглашали то в небольшие парижское кафе, то в Лувр, то в Версаль, то на прогулку по набережной Сены, на которой в любую погоду можно было увидеть удильщиков, то в Латинский квартал, то... словом, ее развлекали. Французы любили свою страну, оказавшуюся немного не такой, как представляла себе Нина. Вокруг Парижа располагались небольшие старинные городки, уклад жизни которых, казалось, не менялся уже пару веков. Рыночная площадь, мэрия и огромный готический собор, знаменитый, как в Шартре, или более скромный, но всегда поражающий необыкновенным изяществом, стройными, как бы летящими ввысь формами, – вот и весь центр, от которого лучами

расходились в разные стороны узкие старые улочки, застроенные двухэтажными домиками с высокими черепичными крышами, окруженные живой зеленой изгородью и живописно увитые виноградом и розами. Домики были как из книжки с картинками, которые Нина любила разглядывать в детстве. А теперь она сама жила в таком городке и в таком домике.

– Я покажу вам долину Луары, где древние камни источают флюиды романтики рыцарских времен! – говорил месье Дюшан. – Мы будем пить настоящий коньяк и любоваться виноградниками, достойными кисти Ван-Гога ³! – он делал серьезное лицо и смешно поднимал вверх указательный палец, добавляя, – Но только после вернисажа!

Картин Корнилина во Франции было немного, и хозяева галереи привлекли к своей затее еще несколько художников, работающих в похожей манере. Их оказалось всего трое, и Нине было неловко объяснять месье Рене, что такие откровенно слабенькие полотна не стоит вешать рядом с гениальными творениями Артура. Она вообще удивлялась, зачем ее пригласили, – такую выставку французы вполне могли организовать сами. Но... назвался груздем, полезай в кузов, – как говорила, искажая слова и морщась от сигаретного дыма, Жаннет.

Нина готовилась к лекциям, и по ходу этого занятия ей пришла в голову идея написать статью об Артуре. Для этого стоило использовать его собственные записи из дневников, которых никто еще не видел. Записки Корнилина могли стать сенсацией в Москве, Санкт-Петербурге и Харькове. А в Париже?.. Кто знает?! Нина решила посоветоваться с главным редактором журнала «Искусство». С этим журналом сотрудничал Сергей Горский, и даже был его совладельцем. Мадам Корнилина позвонила девочкам, которые приезжали вместе с Сергеем на харьковскую выставку Артура. Они с готовностью откликнулись.

Встретились в маленьком уютном кафе на Монмартре, которое славилось сочными бифштексами и луковым супом. Девочек звали Патрисия и Люсиль. Они улыбались, курили и уговорили Нину заказать «бланкет» – белое мясо под белым соусом. У Нины от вина и приятных впечатлений слегка кружилась голова. В окно кафе был виден ярко-белый, освещенный солнцем храм Сакре-Кер на вершине монмартрского холма.

– Месье Горский весьма удачливый бизнесмен, – на ломаном английском говорила Патрисия. – С тех пор, как он стал совладельцем журнала, дела резко пошли в гору. Деньги текут рекой.

Нина переспрашивала, смущенно улыбаясь. Ее английский оставлял желать лучшего. Впрочем, Патрисия и Люсиль тоже говорили по-английски кое-как. Но все-таки они могли понимать друг друга, и это было приятно. Девушки проявили огромный интерес к предложению «мадам Нины» написать в журнал статью об Артуре и убедили ее непременно и побыстрее сделать это. Они были бы в восторге, узнав о таинственных дневниках покойного художника, но Корнилина им ничего не сказала ни о сандаловом ларце, ни о тетрадах в кожаных обложках. Ей хотелось, но... в последний момент она передумала. Все тот же непонятный ей самой страх, ледяной змеей обвивший сердце, едва она заикнулась о дневниках, заставил ее прикусить язык.

Осенний Париж был прекрасен. По мутной, как темное стекло, воде Сены плыли желтые и красные листья. Старики в баскских ⁴ беретах сидели на набережной с удочками. Остров Сите, с собором Нотр-Дам, окутанный золотой дымкой, был похож на величественный корабль-призрак. Ветер срывал листву со старых каштанов.

Нина вернулась домой в приподнятом настроении. Вечером, когда неугомонная Жаннет улеглась, наконец, спать, мадам Корнилина достала из-под кровати сумку, где она хра-

³ Ван-Гог Винсент (1853-90) – голландский живописец, представитель постимпрессионизма.

⁴ Баски – народность во Франции.

нила сандаловый ларец. Вместе с тетрадями Артура там лежала еще одна, – та, куда Нина переписывала с трудом разбираемые ею строчки. Их было совсем мало, всего страничка.

Нина зажгла старую бронзовую лампу и принялась за работу. Она надеялась, что дневники откроют ей тайну жизни и смерти Корнилина, происхождение его неправдоподобных, мрачных и одновременно волнующе-прекрасных видений.

Записки художника оказались не совсем такими, как она ожидала. В них не было ничего личного, житейского, ничего, что проливало бы свет на появление «черного человека» или на то, чего Артур боялся и о чем не мог рассказать до конца даже ей, Нине. Это были какие-то обрывочные, часто совершенно не связанные между собой описания людей, символов, образов, наполненные особым, понятным только ему смыслом. Складывалось впечатление, что Корнилин писал то ли проснувшись среди ночи и торопясь перенести на бумагу неясные сны, то ли старался освободиться от преследовавших его галлюцинаций, записывая все, что ему привиделось. Возможно, иногда он был нетрезв, и тогда почерк становился совсем уж неразборчивым. Нина вчитывалась и всматривалась в слова и предложения до ломоты в висках. Часто она просто догадывалась, какое это могло бы быть слово или буква, а иногда ей это не удавалось, несмотря ни на какие усилия. Так что текст, который она старательно записывала в отдельную тетрадь выходил несвязным, но кое-что понять все же было можно.

Чем больше Нина втягивалась в это занятие, тем сильнее чувствовала странное и опасное влияние образов и идей, теснившихся в голове Артура. У нее пропал сон. Долгими, нескончаемыми ночами она словно блуждала в темных, туманных пространствах, полных причудливых химер⁵, нежных красавиц, зловещих ликов с горящими очами, золотого литья, великолепных змеиных тел, сияющих кристаллов, влекущих и загадочных ритуальных предметов...

Корнилина делала перерывы в работе с записями Артура, но это существенно дела не меняло. К тому же, нужно было торопиться. Время шло, переписывание дневников продвигалось медленно, а статью в журнал она должна была представить не позже начала декабря: ее еще полагалось перевести на французский. Нина начала чувствовать тяжелую усталость и вязкую, беспричинную тоску, – «черную меланхолию», как она это называла.

– Мадам Нина скучает по России, – говорила Жаннет, замечая в госте подавленность и смену настроения. – Надо развлекаться, проводить время с мужчинами, а не сидеть и сохнуть от работы. От тоски портится цвет лица и появляются морщины.

Осень во Франции стояла теплая и мягкая. Моросил мелкий дождь, мутные воды Сены покрывались ленивой рябью, дома утопали в зеленоватом тумане. Только три дня праздника Самхейн выдались непривычно холодными. Нина проводила много времени за подготовкой к выставке, которая все не открывалась, хотя давно было пора. Это казалось странным. Месье Дюшан приводил невразумительные объяснения, а его компаньон и вовсе отмалчивался, неискренне улыбаясь.

– О, эти русские такие нетерпеливые! – однажды сказал он, и Нина отметила, что впервые слышит его голос.

Она поняла смысл сказанного благодаря Жаннет и Патрисии, которые обе старались, как могли, помочь ей освоить язык. Нину беспокоило ее состояние, и она попросила месье Рене найти ей врача. Доктор был очень любезен, подчеркнуто вежлив и внимателен, но не нашел ничего серьезного.

– Мадам немного переутомилась, ей нужно больше гулять, хорошо питаться и принимать успокоительное.

Он выписал Нине два вида снотворного и распрощался.

⁵ Химеры – фантастические чудовища.

Жаннет расстроилась. Она так старалась, чтобы мадам Корнилина чувствовала себя как дома и ни в чем не нуждалась!

– Теперь я буду подавать на обед жареную форель, а на ужин омаров под майонезом, – говорила она, провожая доктора. – И вино! Это будет лучшим лекарством.

Доктор улыбался и кивал головой, он был уверен, что это обычная женская хандра, которая скоро пройдет. Выйдя на улицу, он поднял воротник плаща, – несмотря на ветер, ему хотелось пройти пешком. Вечерело. В долинах между холмами сгустился туман, в его серо-молочной мгле расплывались огни одиноких жилищ. Приятно было вдыхать свежий сырой воздух, пахнувший далекими дымами и палой листвой. Доктору понравилась русская гостья Жаннет, – мадам Корнилина, вдова знаменитого художника. Красивая женщина. Большие выразительные глаза, тяжелый узел волос на затылке, высокий открытый лоб, приятный грудной голос, порывистость в движениях, – есть в ней что-то восточное, дикое, необузданное... чего нет в француженках. Давно нет. Наверное, Россия, – огромная непонятная страна, засыпанная снегами, – накладывает особый отпечаток на людей.

Маленький городок был тих и безлюден. Только где-то далеко, за холмами, слышался протяжный колокольный звон. Ветер усилился и заставил доктора ускорить шаг. Дома его ждали пылающий камин, удобное старое кресло, горячий кофе, вечерняя газета, приятный отдых после рабочего дня. Он перестал думать о том, чего не мог сам себе объяснить, – о притяжении и внезапной симпатии, которые испытал к Нине Корнилиной. Остались только легкое возбуждение, ощущение юношеской дрожи в сердце и неясная грусть.

Таблетки, выписанные вежливым доктором, помогли, но ненадолго. Беспокойство и страх на время отступили, чтобы возобновиться с новой силой. Нина решила заниматься записями Артура днем, а вечером делать какую-то другую работу. Это не получалось. Целыми днями она была занята подготовкой к вернисажу или прогулками, на которые ее приглашали то девушки, то месть Дюшан. Она побывала в Лувре, на площади Бастилии, в Латинском квартале, где они с Патрисией долго бродили по букинистическим магазинам и книжным лавкам.

– Смотри, – говорила Патрисия, – это знаменитый университет, Сорбонна. А вон там, на холме, гробницы Вольтера ⁶, Руссо ⁷, Гюго ⁸... Ты читала Гюго?

– Конечно! – улыбалась Нина. – «Отверженные»! Кто же не читал? Жан Вальжан, Козетта и Гаврош... любимые герои моей юности.

Она вздохнула, возвращаясь мыслями к дневникам Артура. Никакие впечатления и красоты Парижа не могли по-настоящему отвлечь ее.

Обедали в маленьком кафе. Патрисия заказала луковый суп с сыром, бифштекс и кофе. Она уговаривала Нину попробовать улиток, но получила вежливый отказ.

– Такой деликатес мне не по вкусу, – засмеялась Корнилина. – Давай лучше возьмем пирожные.

Нина возвращалась домой под вечер, уставшая и разбитая. Жаннет кормила ее ужином, они немного разговаривали, и мадам Корнилина поднималась на второй этаж, в свою комнату. Ее ждали тетради с неразборчивыми записями, действовавшими, как наркотик. Она целый день думала только о том, как придет, зажжет лампу и примется переписывать каракули Артура.

– Опасное наваждение, – думала Нина, склоняясь над исписанными страницами. – Я становлюсь такой же одержимой, как Корнилин.

⁶ Вольтер (настоящее имя Мари Франсуа Аруэ) (1694–1778) – французский писатель и философ-просветитель.

⁷ Руссо Жан Жак (1712–78) – французский писатель и философ.

⁸ Гюго Виктор Мари (1802–85) – французский писатель.

Иногда ей казалось, что это писал не Артур, что кто-то другой водил рукой художника. Особенно поразил ее сюжет картины, которая так и осталась ненаписанной. Она должна была называться «Магия ⁹». Вся композиция картины строилась вокруг образа Розы, – то ли символа, то ли просто Артуру нравилась форма этого цветка, замысловатая и пышная, полная обольстительных выпуклостей и изгибов, скрывающая сердцевинку, как последнюю неразгаданную тайну. Магический круг очерчивал темное пространство вокруг высокого мрачного трона, на котором угадывалась неясная фигура, утопающая в складках черного плаща. Круг вспыхивал красным, освещая трех коленопреклоненных рыцарей, закутанных в длинные бархатные плащи. На их лицах – черные маски. За пределами круга, в более светлом пространстве вьется всякая нечисть, – летучие мыши, крылатые уродцы, ведьмы, птицы с хищными клювами на человеческих лицах... Самое странное, что к центру картины тьма сгущалась, скрывая погруженные в нее фигуры и сам символ Розы, которая только слабо мерцала, как черная жемчужина в свете тусклой луны.

Это было не похоже на Артура. Нина, как никто другой, знала, что Корнилин никогда не рисовал безобразное. Он ненавидел некрасоту и несовершенство. Его гений – Аполлон, прекрасный, светлый и солнечный Бог гармонии и идеальных форм. Таковы были и картины художника, полные сверкающих красок, изящных линий, замысловатых узоров, великолепных мужских и женских тел, поразительных по красоте лиц, чудных животных, спелых плодов, блестящих тканей и драгоценностей. Любую идею, самую, казалось бы, мрачную или зловещую, талант Артура облакал в сияющие, нетленные одежды красоты, наполняя светом и любовью каждую деталь, какую бы смысловую нагрузку она ни несла.

Тем более странным и необъяснимым представлялось Нине его последнее видение, которое она тут же для себя окрестила «черной розой». К счастью, Корнилин не успел перенести на полотно эту мрачную болезненную фантазию ночи; его последний замысел не обрел жизни. Картина «Магия» так и не увидела свет.

Многое в записках Артура вызывало у Нины отторжение и протест, многое навело жуть, а кое-что показалось просто бредом, проявлением психических отклонений. Возможно, расстройство психики начало развиваться у Корнилина вследствие алкоголизма. В последнее время он постоянно был пьян, днем и ночью. Нине не хотелось, чтобы художник остался таким в памяти многочисленных почитателей его таланта, и она твердо решила, что в статью войдет только то, что восхищает и нравится в Корнилине, и ей, и другим, – изысканные и прихотливые картины мира, раскрывающиеся с неожиданных, невидимых обычному глазу сторон, поклонение совершенству и космической гармонии, Красоте, как Царице Мироздания.

Особенно отталкивающее впечатление произвели на Нину странички дневника, посвященные кельтским преданиям и королю Артуру. Корнилин вообразил, что в нем время от времени проявляется дух легендарного короля бриттов ¹⁰, прославленного рыцарскими подвигами в любви и на поле брани. Нина представила себе могущественного и бесстрашного воина, трясущегося от каждого скрипа двери, нервно озирающегося по сторонам, глотающего водку стаканами, и не удержалась от саркастической ¹¹ усмешки. Как она ни любила и ни уважала Корнилина, ни ценила его талант, – это было уж слишком. Король Артур! Ни много, ни мало! Она горько рассмеялась, вспоминая небритое, осунувшееся от постоянного страха и лихорадочного возбуждения лицо мужа... Владыка Британии, который получил при

⁹ Магия (колдовство, волшебство) – обряды, связанные со сверхъестественными способностями человека.

¹⁰ Бритты – кельтские племена.

¹¹ Сарказм – язвительная насмешка. Осмеиваемому явлению сперва присваивается положительное качество, затем тут же отрицается.

рождении волшебные Силы от фей ¹² таинственной земли Авалон, «лучший из рыцарей и величайший из королей», должно быть, переворачивался от возмущения в своем гробу!

Ночью ей приснился незнакомый туманный берег, неподвижная вода, и бесшумно скользящая по ней ладья с безмолвными гребцами, укутанными в саваны. Вдали виднелись синеватые горы, испуганно захлопала крыльями взлетевшая цапля, и снова все затихло в тишине и торжественности, нарушаемой только плеском весел...

– Что это? – спросила Нина Корнилина.

Она не знала, кто должен был ей ответить. В ладье она увидела неподвижно лежащего воина, одетого в золотые доспехи. Глаза его были закрыты, и он едва дышал.

– Король Артур свершает свой путь в бессмертие... – догадалась Нина.

Или кто-то подсказал ей это?

– *Утешьтесь, – прозвучало в глубине ее сознания. – И знайте, что я снова приду, когда понадобится... Мое время раствориться в тумане еще не пришло...*

Нина Корнилина проснулась и села на кровати. Было душно. В окно светила желтая луна, ее круглый глаз горел зловеще и нестерпимо. Нина почувствовала, что ее лоб покрылся испариной, а сердце колотится, как сумасшедшее.

– Что со мной? Я схожу с ума, так же, как Артур?

У нее в голове все перепуталось, – ее муж, художник Корнилин, изобразивший себя на автопортрете в рыцарских латах и соломониновым пентаклем ¹³ на груди, восточные Боги, китайские мудрецы, пророки Атлантиды ¹⁴, храбрые и преданные рыцари легендарного короля Британии, великий маг Мерлин, священная чаша Грааля ¹⁵, сокровища нибелунгов ¹⁶, женщины с горящими глазами, змеи и драконы, зловещие Черные Духи и их таинственный Повелитель внутри магического круга Вечности...

Наутро она встала разбитая, с головной болью и глухой тоской в сердце. Пора было заканчивать переписывание дневников. Материала для статьи более, чем достаточно. О «короле Артуре» она писать ничего не будет. У Корнилина, скорее всего, начала развиваться скрытая форма шизофрении, вот он и вообразил, Бог знает, что. Раздвоение личности, – такое бывает. Это болезнь. Ей почему-то стало стыдно за покойного супруга, его больное воображение, – не хотелось, чтобы об этом узнали, начали обсуждать. Она попробует смягчить его мысли и видения, напишет, что имя, – Артур, – определяет судьбу, и что Корнилин всегда был «воином кисти», ее отважным и преданным рыцарем, и что его картины воздействуют сильнее, чем меч. Оружие поражает плоть, а искусство, творчество гения, – поражает душу, заставляя ее проникать в тайны бытия, гореть, любить и восхищаться.

Шли дни. Декабрь принес с собой серые тучи, низко плывущие над Сеной, сыплющие мокрый снег на ее медленные тусклые воды, на черепичные крыши маленького городка, в котором жила Нина. Прохожие оделись в береты, плащи и куртки. Плющ на стенах по утрам становился седым от измороси.

Жаннет суежилась, стараясь покормить гостью повкуснее, пекла бисквиты и грела красное вино. По вечерам она разжигала старинный очаг, и они с Ниной долго сидели у огня, слушая, как потрескивают поленья и где-то за холмами лают собаки, охраняющие стада.

¹² Фея – по поверьям кельтских и романских народов – фантастическое существо женского пола (обычно делающее людям добро); волшебница.

¹³ Соломонов пентакль – магический знак в виде шестиконечной звезды.

¹⁴ Атлантида – по древне греческому преданию, некогда существовавший в Атлантическом океане плодородный и густонаселенный остров с высокоразвитой цивилизацией, во время землетрясения, опустившийся на дно.

¹⁵ Святой Грааль – чаша из которой пил Иисус во время Тайной вечери. Считается, что она обладает чудодейственными свойствами исцелять и воскрешать из мертвых.

¹⁶ Нибелунги – обладатели чудесного, золотого клада, история борьбы за который легла в основу популярного сюжета германского эпоса (Эдды Старшей, «Песни о Нибелунгах») и оперного цикла Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга».

Хандра не проходила. Снова вызвали вежливого доктора, и он выписал новую порцию таблеток. Доктор остался на ужин и с аппетитом уписывал форель с овощами, на все лады расхваливая стряпню Жаннет, которая цвела от удовольствия. По такому случаю она выкурила две сигареты и усиленно уговаривала Нину последовать ее примеру. Доктор смеялся и не возражал. Он чувствовал себя влюбленным и счастливым, любясь редкостной, удивительно теплой и мягкой красотой русской женщины.

Курили все вдвоем на деревянном балконе с резными перилами, опоясывающем второй этаж. Снежная пелена отрезала их от мира, дыша сыростью и холодом. Все вдруг погрузилось в плотную, настороженную тишину.

– Когда, наконец, откроется выставка месье Корнилина? – поинтересовался доктор, чтобы нарушить молчание.

– Скоро, – застенчиво улыбнулась Нина.

Жаннет захлопала в ладоши. Она сказала, что месье Дюшан обещал устроить грандиозный фуршет и пригласить всех, – ее, сотрудников журнала «Искусство», прессу и коллекционеров со всей Франции.

– В журнале выйдет статья мадам Корнилиной о ее муже! – торжественно сообщила Жаннет в заключение.

Нина вспомнила, что совсем забыла о родителях Сергея Горского, которые жили в Париже, и о нем самом. Как у нее могло вылететь это из головы? Может быть, Горский как раз вернулся во Францию! Надо будет обязательно узнать и пригласить их всех на вернисаж.

Как и предполагали, через неделю состоялось торжественное открытие выставки. Картины Корнилина вызвали жутковатый восторг, смешанный с желанием разгадать тайну, выраженную художником языком символов. Особенное внимание привлекло раннее полотно Артура, которое называлось «Алхимик». Прекрасный юноша, одетый по флорентийской моде эпохи Возрождения, раздувал огонь, чтобы приступить к опасным и сложным опытам. Мастерская алхимика, полутемная и мрачная, была полна старинных предметов непонятного назначения, колдовских приспособлений и всяких магических знаков.

Посетителей было много, но не так, как ожидалось. Впрочем, Нина была даже рада этому. Ее сильно утомляли шум и суета. Доктор навещал ее через день, и находил, что у нее развивается болезнь сердца. Он приглашал ее на прогулки, и они допоздна бродили по мокрым от растаявшего снега улочкам. Деревья стояли голые и черные, с веток шумно падали капли. Северный ветер гнал по небу тяжелые тучи.

В журнале «Искусство» вышла переведенная Патрисией на французский статья Нины о творчестве Артура Корнилина, вызвавшая сенсацию. Огромный тираж был распродан за пару дней. Редакция решила напечатать дополнительную партию и не прогадала. Статья называлась «Сны Аполлона» и была полна удивительных рассказов о рождении картин, о замыслах художника, его мечтах и планах, которые прервала загадочная и трагическая смерть.

Над Сеной стоял белый туман. Елисейские поля, Дворец правосудия и здание Консьержери были покрыты снегом, который стремительно таял. С крыш текло, на мостовых было полно луж. Шпили Нотр-Дам терялись во мгле...

ГЛАВА 3

Сергей Горский не ожидал, что в Париже его встретит настоящая зима.

В Москве бушевала жестокая январская метель, и он двое суток просидел в аэропорту. Пассажиры нервничали, пили много кофе и коньяка, смотрели в окна на снежную круговорот. Сергей последовал их примеру. Коньяк снял напряжение, и он, вернувшись в зал, задремал. Во сне перед ним стояли огромные, светлые, как озера, глаза Лиды. Ее лицо было печальным...

– Мы даже не успели как следует попрощаться, – подумал Горский, просыпаясь.

За огромными окнами аэровокзала все так же мело. Он снова закрыл глаза, и снова увидел Лиду. Казалось, она хочет что-то сказать ему...

Наконец, вылет разрешили. В комфортабельном салоне международного авиалайнера было тепло и уютно. Ровно гудели двигатели, красавица-стюардесса с осиной талией разносила воду и спиртное. Горский, наконец, расслабился. Сиур и Влад, его новые московские друзья, обещали подстраховать и, по-видимому, справились со своей задачей, так как все обошлось без неприятностей. Сергей вначале пытался обнаружить их присутствие: незаметно оглядывался, наблюдал за окружающими из-под прикрытых век, внезапно останавливался у витрин киосков с видеокассетами, сувенирами и прочей чепухой, но так ничего и не смог заметить. Его друзья действовали вполне профессионально, так что ему не о чем беспокоиться. Но волнение не проходило. Вылет задерживался из-за погодных условий, и Горский нервничал.

А вдруг, что-то произошло, и они не смогли сопровождать его в аэропорт? Он думает, какие они молодцы, как хорошо знают свое дело, – а их попросту нет поблизости, поэтому он их и не может обнаружить! Сергей гнал от себя эти мысли, но они оказались на редкость липучими.

– Месье будет пить?

Горский вздрогнул, – перед ним стояла стюардесса с подносом, уставленным напитками.

– Черт! Так я испорчу все дело! – с досадой на себя подумал он, беря с подноса стакан с ледяным соком. – Я уже в самолете, все хорошо, меня никто не искал, не преследовал, не пытался убить. Почему я все еще в напряжении? Неужели, я просто боюсь?

Эта мысль обдала его жаром. Он никогда не был трусом. Во всяком случае, так он думал, и жизнь не давала ему повода усомниться в этом. До сих пор.

Он принялся смотреть в иллюминатор, за которым ничего не было, кроме беловатой мути. Родителям Сергей не стал сообщать о своем приезде, пусть это будет для них приятным сюрпризом. Он не хотел, чтобы его встречали. Мало ли, что...

– Опять? – разозлился он на себя. – Нельзя думать о плохом! У меня все получится. От меня ждут действий и новостей, на меня надеются, а я веду себя как робкая институтка на офицерской попойке. Хорошо, что Лида не видит меня в эти минуты! Она была бы здорово разочарована!

Горский вздохнул. Он прикрыл глаза и постарался заснуть. Гул двигателей убаюкивал... Внезапно что-то изменилось в этом привычном звуке. Сергей успокаивал себя, но тревога нарастала. Под белоснежной рубашкой по спине потекли струйки пота.

– Из-за меня могут погибнуть все эти невинные люди, которые ни о чем не подозревают, – мелькнула паническая мысль. – Мне нельзя было садиться в самолет!

Тут же ему стало стыдно. Насмотрелся фильмов, вот и лезет в голову всякое! Сергей заставлял себя не прислушиваться, думать о другом: например, что ему нужно сделать в

первую очередь по приезде в Париж. Он должен разыскать Лили, и во что бы то ни стало узнать у нее, кто продал ему флорентийский медальон.

Горский провел рукой по груди и облегченно вздохнул. Все в порядке, медальон на месте, – висит на шее. Это придало ему спокойствия. Магический амулет охраняет его! С ним ничего не может случиться, и с самолетом тоже. Значит, все пассажиры, экипаж и красивые стюардессы – в безопасности. Сергей почувствовал себя более уверенно. Как он мог забыть о медальоне?! Черт, что это на него нашло?

Адрес во Франции, который дал ему в кафе экстрасенс Азарий Ерофеев, Сергей выучил наизусть. После Лили он пойдет по этому адресу.

Стюардесса попросила пассажиров пристегнуть ремни, и Горский понял, что полет окончился благополучно. Он получил багаж, взял такси и отправился на свою квартиру. Над Парижем стелился туман. Набережные Сены тонули в нем, по темным стволам голых деревьев угадывались бульвары и аллеи. Пошел крупный мокрый снег...

Сергею не верилось, что он снова во Франции, что поездка на харьковскую выставку Артура изменила всю его жизнь. Он уже не тот самоуверенный, жесткий и удачливый мужчина, хладнокровный игрок, любимец женщин, расчетливый бизнесмен. Несколько месяцев, проведенные на родине, сделали его другим. Неужели, все это происходило на самом деле? Купальская ночь, смерть Алены, флорентийские сны, монастырь, Лида... А может, он все это придумал?

Если бы так! Горский вздохнул и нащупал пальцами медальон под рубашкой. Нет! В том-то и дело, что все происходило наяву. Поэтому он здесь. Он должен во многом разобраться.

Консьерж приветливо поздоровался с Сергеем, как будто бы он и не уезжал.

– Почту я передавал мадам Клод, когда она приходила убирать, – сказал он, близоруко щурясь. Перед ним на столе дымился кофе, булочку с сыром он держал в руке. – Превосходный свежий сыр, месье! К нам с женой приехали родственники из Прованса...

Горский приветливо кивнул, торопливо поднимаясь по лестнице. Латинский квартал, засыпанный снегом, улыбка консьержа, знакомая дверь, открывшаяся с легким скрипом, – все это делало нереальной опасность, которая не давала ему уснуть в самолете. Он совершенно успокоился, повесил на вешалку мокрый плащ и прошел в комнату.

Здесь царил идеальный порядок, все блестело, – мадам Клод не сидела, сложа руки. Из окна квартиры был виден величественный Дом инвалидов, серебряный от снега и тумана. Сергей раскрыл окно, с наслаждением вдыхая холодный сырой воздух. Все, происшедшее в Харькове, показалось ему дурным сном. На низком столике лежали несколько журналов «Искусство», которые регулярно присылала ему редакция, стопка газет и несколько писем.

– Потом посмотрю, – решил Сергей, набирая номер телефона родителей.

Мама, Анна Павловна, которую все знакомые и друзья во Франции звали Ани, оказалась дома. Она работала переводчицей в посольстве, а отец – поваром.

– Серж! – радостно воскликнула она, привычно называя сына на французский манер. – Ты когда приехал? Я так соскучилась! Прости, дорогой, но я уже убегаю, – внизу ждет машина. Перезвони после девяти вечера. Папа тоже раньше не придет из своего ресторана!

В трубке раздались гудки. Сергей усмехнулся, – мама вечно торопится, все на бегу, впопыхах... Давно ли он сам был таким? Она научила его языкам: по-французски он говорил великолепно, по-английски немного хуже, а немецкий понимал и мог кое-как изъясняться. Он был способным мальчиком.

– Пожалуй, позвоню-ка я Лили, – решил Горский и набрал знакомый номер. – Это будет сюрприз для нее!

Из приоткрытого окна повеяло холодом, и Сергей понял, что снова пошел снег. Огромные снежинки прилипали к стеклу. Голос Лили зазвучал глухо, как из давно забытого прошлого. Она была несказанно удивлена.

– Серж? Откуда ты? Ты в Париже? Мы думали, ты уехал в Россию, надолго...

Она замолчала.

– Наверное, курит, – подумал Горский, представляя ее худое лицо, мундштук в длинных тонких пальцах, унизанных кольцами. Она обожала серебро и духи с запахом хвои.

– Лили... – он внимательно прислушивался к себе, не екает ли сердце, не забьется ли, как раньше, когда он не спал ночами, сходя с ума от желания и страха потерять ее навсегда.

Нет. Ничто не дрогнуло. Он был спокоен и холодно любопытен: как она жила все эти месяцы? Что изменилось? По прежнему ли она ходит в маленькое кафе на Монмартре, из окна которого видно, как художники в беретах и пестрых шейных платках предлагают прохожим свои картины. Сейчас там, наверное, пусто, – из-за снега.

– Лили, – повторил он, словно пробуя ее имя на вкус. – Мы можем увидеться? Прямо сейчас!

Она еще больше удивилась.

– Ты хочешь? Но что...

– Мне очень нужно тебя увидеть! – перебил Горский. – Ты не занята?

– Нет, но...

– Тогда я еду!

Он решил не откладывать дело в долгий ящик. В конце концов, неизвестно, сколько понадобится времени, чтобы выудить у Лили нужные ему сведения. Пока он доберется до ее квартирки под самой крышей, с видом на переплетенную мостами Сену... Должно быть, снегопад придал этому пейзажу сказочную красоту...

Лили сразу открыла, не успел он позвонить, как будто ждала у самой двери, прислушиваясь к шагам. Медный колокольчик гулко переливался в извивах крутых полукруглых лестниц с коваными перилами.

– Серж?

Она, конечно же, курила. Длинная сигарета дымилась, вставленная в неизменный мундштук. Горскому показалось, что он видел ее только вчера, до того все знакомо, – бледные щеки, длинная шея, выпирающие ключицы в вырезе просторной майки, сухие бедра, острые коленки. Неужели, когда-то он целовал все это, ощущая головокружение и дрожь в груди?.. Ничего похожего он теперь не испытывал, просто смотрел.

– Можно войти?

Она молча посторонилась, пропуская его в тесную прихожую. И здесь все по-прежнему, – та же ветка сосны в керамической вазе, та же дубовая вешалка с подставкой для зонтиков, тот же светильник, который задеваешь головой, если вовремя не нагнуться...

Пока Горский ехал, у Лили промелькнули в голове сотни мыслей. Зачем он позвонил ей? Хочет возобновить отношения? На него не похоже... Тогда, прошлой зимой, ее родители намекнули, что он недостаточно обеспечен для женитьбы, и Серж как будто с ума сошел. Он вел себя необъяснимо, – пропал куда-то, не звонил. Оказалось, что он зарабатывает деньги. Лили не верила, что у него получится. Во Франции он чужой... Но все оказалось не так: Горский быстро наладил бизнес, ему везло. А сейчас его журнал приносит все больший доход, не говоря уже о продажах антиквариата и предметов искусства.

Непонятно, почему он передумал жениться на Лили? Ее отец тоже был удивлен, и мама, и все их общие знакомые.

– Это все гордость! – сказал тогда месье Тьерри. – У русских в глубине души горит дикий огонь, они все немного одержимые.

Лили даже всплакнула несколько раз, когда поняла, что Серж больше не придет. Он был так красив, что на него оглядывались, а в постели ему не было равных. Божественный любовник! Это она смогла оценить только теперь, когда у нее появился Франсуа, который и по внешности, и по всем остальным качествам явно проигрывал Горскому.

Когда Серж сегодня позвонил, ей едва удалось выдворить Франсуа, чтобы тот ничего не заподозрил! Какой он, все-таки, противный, – длинноносый и назойливый, как осенняя муха. И она собирается за него замуж?! А что делать? Его отец неплохо обеспечен, и Франсуа без ума от Лили. Во всяком случае, на него не будут вешаться все подряд, как на Сержа. Женщины становились просто невменяемыми в его присутствии! Вряд ли он бы хранил ей верность, как супруг.

Этими мыслями Лили успокаивала себя. Но только до того момента, как Горский вошел в ее квартиру. Страсть, уже забытое желание, вспыхнули с такой силой, что она испугалась. Как она, оказывается, соскучилась по его ласкам!

В комнате у Лили стоял низкий широкий диван без спинки, на котором она любила по утрам сидеть в позе лотоса и медитировать. Собственно, это ее занятие и прервал месье Серж, когда позвонил. Она сама не ожидала, что так обрадуется.

Горский сел на некотором отдалении от нее, – не так, как раньше, когда он не мог сидеть, чтобы не обнимать Лили, не гладить ее коленки. Она старалась не показать своего разочарования. Так зачем он все-таки пришел? Что ему от нее нужно?

В комнате было прохладно и сумрачно. Слабый свет падал из чердачного окошка только в один угол. Пахло сигаретным дымом, индийскими специями и духами Лили. Сергей непроизвольно притронулся рукой к медальону, от которого исходило приятное тепло.

– Мне нужна твоя помощь, – мысленно обратился он то ли к амулету, то ли к Лиде, чей образ неотступно стоял перед ним. – Пусть Лили мне расскажет все, что ей известно!

Он вздохнул и опустил руку. Лили истолковала его жест по-своему.

– Тебе жарко? Может, открыть окно?

– Как живешь? – спросил он вместо ответа.

Она неопределенно повела тощими плечами, склонила голову на бок. Как ему когда-то нравился этот ее жест! Он не переставал сам себе удивляться. Что могло привлекать в такой жеманной, насквозь фальшивой и пустой женщине, как Лили? Сколько безумств он готов был совершить ради нее?! Дурак!

– Что тебе нужно? – спросила она раздраженно, словно поймала его мысли.

– Соскучился.

Она хотела ему поверить, но не смогла. Слишком хорошо она знала эту его кривую усмешку, настороженный холодный взгляд. Иногда он смягчался, но это бывало так редко...

– Приехал проверить, как идут дела, – ответил Горский. – И вот, заодно решил тебя навестить!

Это было гораздо больше похоже на правду. Лили вздохнула.

– Тебе везет! Деньги так и текут. Журнал процветает... да и продажи тоже.

– Кстати, – перебил ее Сергей. – Помнишь, ты помогла мне приобрести чудесную вещь перед отъездом?

Лили смешно наморщила лоб, она не любила думать.

– Какую?

– Вот этот медальон!

Горский вытащил из-под рубашки флорентийскую подвеску и показал Лили.

– Ты что, хочешь меня отблагодарить? Или есть претензии?

– Ни то, ни другое, – улыбнулся Сергей. – Медальон прекрасен, но и цену я за него заплатил немалую, так что мы квиты.

– Тогда в чем дело? – насторожилась девушка.

– Ну... у меня появились деньги, как ты знаешь. Много денег.

Лили кивнула. Это было ей понятно. Серж необычайно практичен! Он хочет выгодно вложить свободные средства. А вложения в предметы старины, если они, к тому же, являются произведениями искусства, очень надежны. Всегда найдется богатый покупатель, готовый выложить кругленькую сумму за какую-нибудь шкатулку, принадлежавшую Медичи¹⁷ или русской императрице Екатерине...

– Ты бы хотел еще что-то купить?

– Вот именно! – обрадовался Горский. – Ты удивительно догадлива, дорогая. Медальон оказался выше всяких похвал! Так что я хочу воспользоваться тем же источником. Надеюсь, ты не забыла, кто продал мне подвеску?

Лили недовольно скривилась. Она была не прочь заработать, но... обстоятельства несколько изменились. Та ее подруга, Мари, которая продала флорентийский медальон, пожелала остаться неизвестной. Посредником сделки была Лили, и Серж имел дело только с ней, не вступая в контакт с продавцом. Таковы были условия, и он на них согласился. Теперь Лили не обязана хранить тайну, потому что подруга внезапно исчезла. Просто уехала, и все. Никто не знал, куда.

– Так что? – настаивал Сергей. Он видел, что девушка в замешательстве, но не понимал причины. – У того человека есть еще что-то интересное для меня?

– Видишь ли... Он...то есть, она... хотела оставаться инкогнито. Но теперь это не имеет значения.

– Прекрасно! Можешь дать мне ее телефон, адрес?

Лили отрицательно покачала головой.

– Бога ради, почему? – воскликнул Сергей. – За деньгами дело не станет. Когда вещь мне нравится, я не торгуюсь!

– Не в том дело. Она... уехала.

– Куда? Надолго?

Лили подозрительно посмотрела на Горского. Он волнуется?! Явление небывалое! Впрочем, если речь идет о редких антикварных вещах, то понятно... Серж становится одержимым, как все поклонники искусства.

– Не знаю, – ответила она. – Ту девушку зовут Мари, мы вместе ходили в коллеж. А потом звонили друг другу иногда, ездили в гости на Рождество... Обычная дружба. Так что она и не должна ставить меня в известность, куда едет. Мало ли? У нее личная жизнь не сложилась. Вот и поехала разгонять тоску! Может, в круиз, а может... в провинцию, к родне.

– А где ее родня?

– Не знаю! – рассердилась Лили. – Я просто так сказала. Предположительно...

– Это Мари продала мне медальон? – уточнил Горский.

– Да, – кивнула Лили. – Только она хотела, чтобы ты этого не знал. Чтобы никто не знал. Она была странная... И муж у нее был странный.

– В каком смысле?

– Ну...я его видела только один раз, – она поежилась. – Взгляд у него тяжелый очень... Посмотрел, как пригвоздил к месту: в ногах дрожь, и сдвинуться не можешь, ни на шаг. Мари мне призналась, что она его боится.

– Зачем же она за него замуж выходила? – не выдержал Горский.

Ему вспомнилась Алена, их вечные скандалы, ругань, отчужденность и нежелание находиться вместе в одной квартире. Как получилось, что он на ней женился? Еще спрашивает про эту Мари?! Как будто сам не переживал ничего подобного!

¹⁷ Медичи – флорентийский род, игравший важную роль в средние века в Италии.

– До брака он казался ей другим, – объяснила Лили. – Добрым и вполне милым человеком. А потом...

– Превратился в монстра, – горько пошутил Сергей.

– Прекрати, Серж! – обиделась девушка. – Ты же сам спрашиваешь!

– Прости, – спохватился он, испугавшись, что Лили больше ничего не расскажет.

Она могла так уходить в себя и не разговаривать неделями. Иногда это неплохо: когда женщина недостаточно умна, гораздо лучше, чтобы она молчала. Но в данный момент Горскому было нужно как раз обратное.

– Муж Мари был таким страшным, что она не выдержала и бросила его... Так?

– Не так! – возразила Лили. – Это он ее бросил. Пропал в один прекрасный день, и все! Как сквозь землю провалился!

– Пропал? И она не стала его искать?

– Искала... как ни странно, – задумчиво сказала девушка. – Ведь Мари жила в его доме. Там все было его... Она не знала, как поступить с имуществом. Заявила в полицию о пропаже супруга, но это ни к чему не привело. Они его искали, искали... только безрезультатно. Тогда Мари кое-что потихоньку начала продавать: ей понадобились деньги на жизнь.

– А почему она уехала? – поинтересовался Сергей. – Сама отправилась на поиски?

– Не думаю, – покачала головой Лили. – Наверное, она просто боялась жить одна в доме. Я как-то была у нее в гостях... один раз. Жуткий дом. Больше двух дней я в нем не выдержала. Темно, мрачно... какие-то узкие переходы... и стоит на отшибе. Это бывший старинный замок, каких полно, – полуразрушенный, заброшенный. Ален отремонтировал только часть, а вторая половина так и лежит в развалинах. Отвратительное место и гадкий дом! Бедная Мари! Удивляюсь, как это у нее хватило сил прожить там почти год?!

– Ален, это кто?

– Ее муж. Так его звали.

Лили резко встала и подошла к этажерке, которая едва не валилась от количества нагроможденных на нее вещей.

– Вот, смотри! – Она протянула Горскому фотографию в серой, под мрамор, рамочке. – Это Мари. Красивая, правда?

На фото две девушки в кимоно сидели в позе лотоса, лицом друг к другу. В одной Сергей сразу узнал Лили, а другая... Стройная, уверенная в себе блондинка с развитыми мышцами и юным, выразительным лицом. Такую испугать не просто.

– Что это вы делаете? – спросил он.

– Медитируем! – засмеялась Лили. – Когда ты меня бросил, я так страдала, – она притворно вздохнула. – Приходилось восстанавливать душевное равновесие таким изысканным способом, как йога. Мари тоже нуждалась в успокоении. Вот мы с ней и занялись медитацией... Это Франсуа нас сфотографировал.

Лили прикусила язык, но было поздно. Она поняла, что проговорилась.

– Франсуа? Кто это? Новый поклонник?

– Мой жених! – вызывающе сказала Лили.

Все равно, Сержа ей уже не видать, как своих ушей. Ничего не поделаешь! Эту игру она проиграла.

Горский хотел было продолжить расспросы, видя, что Лили нервничает, но... он увидел на фотографии нечто такое, что не сразу бросилось в глаза.

– Лили, – сказал он, – давай выпьем, за встречу!

Она, пораженная, уставилась на него. Вот так Серж! Где его ревность? Мстительность? Желание взять реванш? Она-то думала, что он устроит ей сцену, а он... Выпьем! Все-таки, он сильно изменился.

– Ладно, пойду принесу вина. Тебе со льдом?

– Да. Ихвати сыр. У тебя есть?

– Конечно...

Удивленная Лили отправилась на кухню, а Горский тем временем поспешно вытащил фотографию из рамочки и спрятал в карман. Рамочку он, стараясь ступать бесшумно, положил обратно на этажерку, засунув между книгами. Лили, с ее рассеянностью, не скоро обнаружит пропажу.

Вино у нее всегда было великолепное, настоящее «бордо», густое, с терпким ароматом зрелого винограда. Они закусывали холодным мясом, оливками и двумя сортами свежего сыра. Сергей отвлекал Лили от мыслей о фото и цели своего визита, как мог. К счастью, она никогда не могла долго задерживать на чем-нибудь внимание, так что его задача оказалась легкой.

Лили немного опьянела и весело смеялась, прижимаясь плечом к Горскому. Он не отстранялся.

– Как он красив! – думала Лили. – Как он сексуален... Может быть, мы еще помиримся.

Горский распрощался, когда за окном начало смеркаться. Густой мокрый снег укрывал бульвары и крыши домов, наряжал каштаны в причудливые белые одежды. Сергей поднял воротник, ожидая такси; его знобило. В салоне автомобиля он попросил, чтобы водитель зажег свет. Закрывшись полкой плаща, Горский достал из кармана фото, – на заднем плане, почти незаметная, одиноко стояла фигурка Будды. Слишком знакомая.

Когда Лили была уже совсем пьяна, он спросил, чей Будда на фотографии. Вряд ли, она что-то сможет потом вспомнить.

– Ах, это... – она уставилась на Горского мутными бессмысленными глазами, засмеялась. – Это Мари приносила с собой. Маги...ческий символ! – она икнула. – Ой, извини! Может, останешься на ночь? Смотри, какой снег идет... Ты можешь за...мерзнуть.

– В другой раз. Я обещал позвонить родителям.

– Позвони отсюда...

Лили была сильно пьяна, ее глаза сами собой закрывались.

Сергею не терпелось остаться одному, рассмотреть, как следует, фото: загадочную Мари, фигурку Будды... Он уложил Лили на диван, укрыл пледом.

– Я немножко подремлю... – пробормотала она. – Совсем капельку...

Он так задумался, что не заметил, как такси остановилось перед его домом. Вечерний Париж дышал свежестью и запахом снега. Под ногами была жидкая грязная каша, совсем, как в Москве.

Свет в подъезде был тусклым. Консьерж клевал носом, делая вид, что читает газету. Он едва кивнул Сергею.

– Позвоню родителям, потом в Москву, Сиуру, – решил Горский, открывая ключом дверь своей квартиры. – Обязательно! В первый же день такая удача! А ведь я еще даже не сходил по адресу Ерофеева.

Валерия с трудом закрыла окно, столько намело снега на подоконник. Ах, какая тоска эти зимы! – беспробудность, беспросветность... только снег и снег, всюду один снег...

– Никита! – позвала она раздраженно. – Никита, ты где?

В доме было прохладно. Кафельная печь остыла за ночь, в комнатах стоял слабый запах перегоревших дров. Бабушка и мама Никиты уехали в Смоленск, к родственникам. Без них было скучно и тревожно.

Валерия накинула на плечи теплую шаль и спустилась на первый этаж. Дверь на веранду оказалась открыта, в большие окна смотрел засыпанный снегом сад. Было слышно, как с шорохом летит с ветвей морозная пыль, оседают снеговые наносы. На бледном небе сияло красноватое ледяное солнце.

Никита вошел, неся огромную охапку дров, обдав Валерию холодным зимним воздухом, запахом сухой березовой стружки.

– Ты уже проснулась? Иди в гостиную, сейчас я растоплю печь и камин.

– Ах, Никита, какая тоска! – сказала Валерия, прислоняясь к нему всем телом. – Я хочу в Москву, домой. Если бы ты знал, как мне надоела тишина и эти снежные шорохи, завывания метели по ночам! Как мне наскучила эта белая равнина за садом, до самого горизонта!

– Что с тобой? Ты плохо спала?

Никита старался не обращать внимания на ее плаксиво-капризный тон, проскакивающие в голосе раздраженные нотки. Он был уверен, что в Москву им пока возвращаться нельзя ни под каким видом. Но Валерия, похоже, не хочет больше ждать. Ее что-то угнетает. Она становится нервной и недовольной, по ночам бродит по комнате или подолгу сидит у затухающей печи, о чем-то думает. Только днем она немного оживляется, когда горит камин, трещат в языках пламени дрова...

Никита изменил свой образ жизни и теперь старался работать по ночам, когда Валерии удавалось уснуть, а днем проводил время с ней, не давая окончательно впасть в тяжелую хандру. У нее опять начался кашель, и на глазах все чаще, без всякой причины, появлялись слезы.

Никита положил в камин дрова, разжег огонь. Валерия уселась в огромное мягкое кресло, безучастно глядя за окно, на далекие дымы в морозном небе. Она куталась в шаль и плед, и все равно ей было холодно.

– Посиди тут, – сказал Никита, целуя ее висок, на котором горячо билась голубая жилка. – А я пойду приготовлю нам поесть.

На кухне он немного успокоился, выбирая между ветчиной и свежим мясом. Пожалуй, лучше приготовить мясо с сыром и томатом, как любит Валерия.

По дому распространился запах специй и кофе. Никита положил в тостер кусочки белого хлеба и отправился в кладовку за вином: ему захотелось выпить. Валерия тоже не откажется. Ему не нравилось ее состояние, – вялость, сменяющаяся вспышками негодования по всякому поводу, отсутствие аппетита, скука. Только в постели, во время любовных ласк, ценой невероятных усилий, ему еще удавалось пробудить ее к жизни.

Сиур звонил Никите через день, но ничего существенного не сообщал. Москва лежала в снегах, скованная морозом и каким-то странным безмолвием, блестя тусклым золотом своих куполов, белыми стенами соборов.

Горский уехал во Францию, но от него еще тоже не было никаких вестей. Вадим куда-то пропал. Из Харькова был один звонок от Лиды, что у них без изменений... пока. Все остановилось, замерло, словно в преддверии какого-то значительного, важного события, которое должно было разрешить их судьбы и судьбу их общего предназначения. Суть того, что их всех объединяло, оставалась неясной, – и это тревожило больше всего.

Валерия вяло ковыряла вилкой мясо, но все-таки ела. Никита был рад и этому. Вчера она ни кусочка ни проглотила, как он ее ни уговаривал. Холодное кислое вино приятно кружило голову.

– Тебе еще налить?

Она кивнула. Негромко потрескивали дрова. От камина шел настоящий жар, но Валерия не отодвигалась. Никита снял свитер, пересел к окну, за которым стучал в стекло укутанный снегом сад. Снова поднимался ветер.

– К вечеру будет метель, – сказала Валерия. – Опять метель! Какая скука... Никита!

– Да?

– Принеси мне зеркало из спальни, не хочется подниматься наверх.

Он легко встал, поднялся на второй этаж. Приятно было ощущать силу молодого здорового тела; десятилетия неподвижности казались тяжелым дурным сном. Инвалидное кресло стояло в углу коридора, у его рабочего кабинета, как дань прошлому.

Никита открыл дверь в спальню Валерии, – она пожелала иметь свою, отдельную, – взял с туалетного столика ее любимое зеркало в овальной рамке, быстро спустился в гостиную. На сердце легла непонятная грусть...

– Спасибо!

Валерия поставила зеркало на сервировочный столик у камина и принялась разглядывать себя, – волосы, тени под глазами, похудевшие щеки, губы без помады. Она была красивой особой женской красотой, которой все нипочем, – никакие страдания, болезни, никакие небрежности, отсутствие макияжа, прически, – ничто не могло ее испортить. Она просто становилась другой, – более строгой, романтичной или трогательно прекрасной в своей печали.

– Я отнесу посуду на кухню, – сказал Никита, собирая тарелки. – Хочешь еще кофе?

Валерия отказалась, увлеченная созерцанием своего лица в зеркале. Его редкостный оттенок спелого персика поблек, румянец исчез, уступив место глубоким теням под скулами и у висков, но оно все еще оставалось необыкновенно привлекательным. Ей показалось, что Никита отворил окно, потому что ее длинные черные волосы вдруг зашевелились, буквально поднялись вверх, приобретая колеблющиеся очертания то ли чертей, то ли... Из потемневшей глубины зеркала за ее отражением появилось что-то очень страшное, дикое...

Никита зажигал газовую колонку, чтобы помыть посуду, когда услышал ее крик. Влетев в комнату, он увидел вытекающую из рамки ртутную массу зеркала и оцепеневшую от ужаса Валерию, бледную, как снег за окнами.

– Ты поставила его слишком близко к огню, – сказал он, обнимая ее за плечи.

Валерия не поверила. Она просто его не слышала, скованная жуткой, нечеловеческой слабостью, так похожей на смерть. Ей казалось, что из-за вытекшей поверхности на нее смотрит другая женщина, очень похожая на нее, – смотрит долго, неотрывно и страшно, – и в глубине ее зрачков зарождается ее, Валерии, гибель. Губы женщины едва заметно кривятся в зловещей улыбке, а на лбу качается и нестерпимо сверкает золотая подвеска, на которой выбит Знак Рока...

– Валерия!

Звук никитинового голоса вывел ее из столбняка, и она снова закричала, не в силах оторваться от страшного видения.

– Что с тобой?

– Там, там... – она показывала рукой на зеркало, вернее, на позолоченную рамку, оставшуюся от него, и не могла вымолвить ни слова. – Там... та женщина, и... Знак... – ей едва удалось выдать это, как сильный приступ кашля потряс все ее тело. – В-видишь?

Никита ничего не видел, кроме расплавившегося от нестерпимого жара стекла. На каминной доске стояли сухие веточки можжевельника. Словно во сне, сквозь пелену тумана, он увидел, как они занялись ярким, сверкающим пламенем...

ГЛАВА 4

Горские обрадовались приезду сына. Его вечерний телефонный звонок привел их в восторг. Они так редко удостаивались его внимания... Могли не видеться месяцами, ничего не знать друг о друге. Отчаявшись увидеть Сергея, родители сами звонили ему, но чаще всего им приходилось общаться с автоответчиком.

– Приезжай, Серж! – говорила мама, сдерживая слезы. – Мы с отцом почти забыли, как ты выглядишь. Расскажешь нам, как живешь. У тебя уже есть девушка? Ты никого не нашел себе там, в Харькове? Как Москва?

– В Москве мороз, – ответил Горский. – По ночам наматывает сугробы по колено. Деревья все белые, и снег визжит под ногами прохожих...

Он понимал, что мама спрашивает вовсе не о девушках, которых у Сергея всегда было полно. Вниманием женщин Горский никогда не был обижен, что вызывало легкую ревность даже у его матери, но она искренне хотела, чтобы он, наконец, «устроил свою жизнь», остепенился. Она тайне надеялась, что он женится на русской. Француженки были хороши для бизнеса и развлечений, но для семьи...

– Я был женат, мама, – тихо сказал Сергей, вспомнив вдруг, что он даже не пригласил родителей на свою свадьбу.

Уехав из Парижа на выставку Артура, он словно провалился в глубокий омут, и весь остальной мир сначала померк, а потом и вовсе исчез из его жизни. Непонятное наваждение окутало его плотной пеленой, лишив возможности не только правильно действовать, но и здраво мыслить. Теперь он чувствовал, как медленно поднимается из мутной туманной глубины на поверхность, до которой все еще не близко.

– Что?

У Анны Павловны пересохло в горле. Она не ослышалась? Серж сказал что-то о женитьбе? Что-то странное... Был женат?.. Но... он отсутствовал буквально несколько месяцев.

– Я был женат, мама, – повторил Горский.

Эти слова прозвучали непривычно и дико для него, словно он пересказывает маме свой сон, как в детстве. А она успокаивает его, ведет на кухню и поит чаем с конфетами «Мишка на севере».

– Был? – переспросила она. – Ты что, развелся? Так быстро?

– Нет...

– Серж, я ничего не понимаю! Говори толком! У меня начинает уже болеть сердце...

– Моя жена... Она умерла.

На том конце воцарилось молчание: у мадам Горской пропал дар речи. Серж всегда был резок, любил колкие, неприятные шутки, но не до такой же степени!

– Ты шутишь? – спросила она на всякий случай, осознавая, что на этот раз сын говорит серьезно. – Отчего? Что случилось? Приезжай немедленно! Мы с отцом глаз не сомкнем, пока ты все не расскажешь! У папы давление... О, Серж! Выезжай прямо сейчас, возьми такси... Ты меня слышишь?

– Хорошо, – ответил Горский, ощущая невероятную усталость во всем теле, в мыслях...

Пожалуй, будет лучше, если он поедет. В двух словах всего не объяснишь. Им предстоит долгая ночь, полная вздохов и слез. Подробностей он родителям, конечно, рассказывать не собирается, но кое о чем придется поставить их в известность. Они не могут оставаться в неведении.

Анна Павловна была так напугана услышанным, так растеряна, что совершенно забыла сказать сыну о выставке работ его друга Артура, устроенной в галерее месье Дюшана, о Нине Корнилиной, о статье в журнале «Искусство», которая наделала столько шума, о Лили, о том, как успешно идут его дела... Она положила трубку на колени и села, не в силах думать ни о чем, кроме предстоящего разговора с Сержем.

Звонок в дверь заставил ее вздрогнуть от неожиданности.

– Серж! – она повисла у сына на шее, плача и целуя его. – Как ты меня напугал! С тобой все в порядке? – Она отступила на шаг, пытаясь рассмотреть в темноте прихожей выражение его лица. – Ты здоров? Я не стала ничего говорить отцу. Он думает, что ты приедешь завтра.

– Где он? – спросил Горский.

– Спит у себя в комнате. У него был трудный день... Я закрыла дверь, чтобы мы его не разбудили. Поговорим сначала вдвоем. Ты намок... На улице что, снег? Снимай скорее плащ.

Сергей разделся и прошел в маленькую уютную гостиную. Над столом висел оранжевый абажур, пахло корицей и ландышевыми каплями.

– Садись... – Анна Павловна уселась на мягкий угловой диван, не отпуская руки сына. – Ты весь холодный! Я сделаю чай.

– Лучше принеси коньяк, мама.

Она молча вышла и вернулась с бутылкой коньяка и двумя блестящими мельхиоровыми рюмками.

Как и предполагал Горский, они проговорили почти до утра, пока за окнами не проступил хмурый дождливый рассвет. Всю ночь, шурша по подоконнику, шел мокрый снег, сменившийся дождем. В гостиной похолодало, и Анна Павловна включила отопление.

– Ужасная погода, – сказала она, чтобы нарушить тяжелое молчание.

История, рассказанная сыном, показалась ей до неправдоподобия страшной сказкой, так что нужно было время, чтобы принять ее в свое сознание, смириться с ней и решить, как жить дальше. Собственно, смерть ее невестки, Алены Горской, которую она в глаза не видела, произвела на нее впечатление постольку, поскольку опасность могла угрожать ее сыну, – ведь он спал в комнате, ничего не подозревая, и мог стать очередной жертвой убийцы и грабителя. Слава Богу, этого не случилось! Жалко девочку, но...ничего не поделаешь.

– Ты правильно сделал, что приехал, – сказала она. – Поработаешь, отвлечешься... У нас тут хорошие новости: тираж твоего журнала растет, и прибыли тоже. Ты уже был в редакции?

Сергей отрицательно покачал головой.

– Не успел еще.

Он не стал говорить матери, что заходил к Лили. И про то, что ему необходимо было выяснить в Париже, тоже. В первую очередь он должен разыскать таинственную Мари, поговорить с ней; проверить адрес, полученный от Ерофеева, а потом можно будет заняться делами, зайти в журнал.

Как известно, человек предполагает, а Бог располагает.

– Ты помнишь Нину, жену твоего обожаемого Корнилина? – вдруг спросила Анна Павловна. – Так вот, это благодаря ей ты заработал кучу денег!

– Нина Корнилина? – опешил Сергей. – Но...

– Да-да, она написала потрясающую статью об Артуре! Она привезла с собой его дневники... Ты не читал? Это фантастика! Редакция посылала тебе на дом все экземпляры журнала. Ты что, даже не смотрел?

– Я не успел, – Сергей вспомнил разноцветную стопку журналов на столике в своей квартире, до которой у него так и не дошли руки. – Подожди, мама! Я ничего не могу понять! Какая статья, какие дневники? Артур погиб, Нина пропала... Ее никто не мог найти, даже я. Она просто уехала, не оставив адреса. Как в журнале оказалась ее статья?

– Никуда она не пропадала! Она приехала во Францию по приглашению месье Дюшана. Мы виделись на выставке, – ответила Анна Павловна, подозрительно глядя на сына. Может быть, у него немного расстроилась психика после смерти жены? Это было бы совсем не удивительно. – Ты уверен, что хорошо себя чувствуешь?

– Прекрати! – рявкнул Горский, сразу напомнив ей прежнего Сергея.

– Тише... отца разбудишь.

– Прости, – примирительно сказал Сергей. – У меня все в голове перемешалось... Расскажи мне о Нине.

Сиур опаздывал на важную встречу. За ночь намело столько снега, что он едва смог выехать из гаража. Пришлось брать лопату и раскидывать сугроб, чтобы открылась дверь. Скованный холодом город был девственно бел, пустынен и безлюден. Морозный рассвет загорался в стеклах витрин, багровые отблески ложились на засыпанные снегом деревья и тротуары. В лицо мело колкой ледяной пылью.

Сиур, не торопясь, ехал по блестящему от мороза проспекту. Дома в утренней дымке словно оторвались от земли и торжественно, медленно проплывали мимо. С козырьков крыш, чугунных оград и деревьев слетали сверкающие веера снега. Москва с трудом просыпалась, стряхивая колдовское наваждение ночной метели.

Влад позвонил шефу в машину, доложил, что выехал и скоро будет на месте.

На трассу повыползали снегоочистительные машины. На востоке, угадываемое за плотной облачностью по золотому сиянию, всходило жгучее ледяное солнце.

Залюбовавшись красотой города, Сиур не заметил, как из арки проходного двора, слева от него выскочил белый, невидимый на фоне снега, микроавтобус и стремительно, скользя колесами, развернулся прямо на встречную полосу... Казалось, что несколько секунд выпали из этой вселенной, просто зависли, вырвав из нее миг времени, потому что иначе столкновение было бы неизбежным. Машина Сиура застряла в сугробе, и это спасло ее от лобового удара о фонарный столб. Несмотря на то, что он резко тормозил, колеса все еще вращались, но снег остановил движение.

Микроавтобус-невидимка исчез так же внезапно, как и появился. Пока Сиур приходил в себя, пытаясь осмыслить, что же произошло, – его и след простыл. Начальника охраны фирмы «Зодиак», бывшего командира элитного спецназа, спасли отменно тренированные реакции. Собственно, тело сделало все само, не дожидаясь запоздалых указаний отвлекшегося владельца. Сиур вышел из машины и закурил, глядя, как оседает поднятая машинами снежная пыль.

Черт! Его спасли доли секунды, и все равно было непонятно, как он остался невредим.

– Ладно, подумаю об этом потом, – решил он, сел за руль и начал выезжать из сугроба.

До назначенной ему встречи оставалось десять минут.

Влад начал слегка нервничать, поглядывая на часы. Уже несколько минут, как машина шефа должна быть здесь. Хорошо, что другая сторона тоже опаздывает, а то неудобно получится. Что с Сиуром? Пунктуальность и точность – такая же неотъемлемая часть его имиджа, как и безукоризненная вежливость, модная одежда и жесткость характера. Неужели, что-то случилось?

Он вздохнул с облегчением, когда увидел выезжающий из-за поворота автомобиль Сиура. Они были не только коллегами, бывшими сослуживцами, друзьями, – их объединяло нечто большее: родство по духу, которое оказалось гораздо сильнее кровных, семейных или приятельских уз. А теперь еще их объединила общая тайная опасность, источника которой они не знали.

– Я уже почти испугался, – улыбнулся Влад, выходя из машины. – Где ты был?

– Заказчики приехали? – вместо ответа спросил Сиур, хотя и так было видно, что кроме них здесь никого нет. – В чем дело?

– Сам удивлен, – пожал плечами Влад. – Договорились на восемь...

– Ладно, ждем еще четверть часа!

– Так долго?

– Всякое бывает... – неопределенно сказал Сиур, все еще под впечатлением собственного «приключения».

Они ждали до половины девятого, но на встречу так никто и не явился.

– Может, перезвонить им? – спросил Влад, теряя терпение.

– Не стоит. Поехали, – махнул рукой шеф. – Никто не придет. И телефон наверняка липовый. В офисе поговорим.

В здании фирмы было тепло, раскаленные газовые печи дышали жаром. За покрытыми морозным узором стеклами ничего не было видно.

– Как раньше народ без видеокамер обходился? – вздохнул Влад, усаживаясь перед экраном монитора, на котором был виден въезд в ворота и вход.

– Нормально обходился! – ответил Сиур. – Внешнее наблюдение, слышал о таком? Кофе будешь?

Влад кивнул.

За кофе Сиур рассказал о микроавтобусе.

– Не нравится мне все это! – Влад налил себе вторую чашку. Что бы ни случилось, аппетит у него оставался прекрасным. – И Горский не звонит. Как он там? Что узнал?

– Горский должен позвонить сегодня вечером, как условленно, – возразил Сиур. – Ты лучше подумай, что сам скажешь Сергею. Мы обещали, что девочки будут в безопасности. У Лиды и Элины все хорошо? Ты в курсе?

– Обижает, начальник, – улыбнулся Влад. – Сегодня утром звонил Никите, у него вроде тоже все в порядке.

– Что значит «тоже»?

– Валерия немного хандрит. Кашель, страхи. С зеркалом что-то случилось... расплавилось или разбилось, я толком не понял.

В воображении Сиура сразу возникла картина Артура Корнилина «Натюрморт с зеркалом», с которой, собственно, и началось их знакомство с Никитой, Валерией и Вадимом. Вспомнился их подмосковный дом, старый дикий сад, лес вдали, за небольшой речушкой...

– У них там чуть пожар не случился, – продолжал Влад. – Слава Богу, все обошлось. Не нравится мне все это! – повторил он.

Сиуру это тоже не нравилось. Кажется, затишье подошло к концу. Наступает время великих перемен... Что это за перемены, он не знал, и тревожился. Но ведь им самим надоели бездействие и неизвестность?! Почему же теперь неприятный холодок подступает к сердцу? Невидимый враг не оставил им выбора. А любую ситуацию всегда лучше встречать лицом к лицу.

– Ты мне так и не сказал ничего о Лиде.

– А... да вроде все нормально, – не очень уверенно пробормотал Влад. – Мне голос ее показался странным, а так... ничего.

Он вспомнил разговор с Лидой. Телефонов в деревне не было, и ей пришлось идти на почту. Связь работала не лучшим образом, и голос девушки казался глухим и невероятно далеким, как с другого конца света. А ведь это всего только Харьковская область!

Лиде тоже было плохо слышно, и приходилось то и дело переспрашивать. Ну, что тут особенного скажешь? Как настроение? Грустное. Но Владу она в этом не призналась, ответила, что все хорошо, все здоровы, – дед Илья уже ходит в лес со своим ружьем, Иван лежит на печи и составляет карту поиска сокровищ, баба Надя, как всегда, печет пироги и всех дер-

жит в строгости. Элина понемногу просыпается, расцветает, как розовый бутон по утру... Никто новый, незнакомый, в лесном доме не появлялся, никто ими не интересуется. Вокруг тихо, дороги занесло снегом.

Все это Лида рассказала, но кое-что утаила. В сердце ее, после отъезда Сергея, поселилась тоска, черная и холодная, как январская ночь. Как будто черный ворон задел ее душу своим зловещим крылом. Откуда ни возмись, мысли явились черные, страшные, как из преисподней. А что, если Сергей забыл ее? Встретил там, во Франции, свою тощую Лили, и... поминай, как звали. Телефона у нее в лесном доме нет, а письма из Парижа идут долго. По ночам ей стала сниться Алена, бледная, с горящими лихорадочным огнем, запавшими глазами.

– Думаешь, я отдам тебе его? – спрашивала она едва слышным шепотом, и начинала смеяться, все громче и громче... – Думаешь, твоя взяла? Дура бестолковая! Святая сестричка... И тебе греха захотелось? Разве не знаешь, что любовь – самый великий грех?! За него в пекле огненном гореть будешь! И никто тебя не спасет! Никто... Любовь – это пожар, пламя адское, неутолимое, его ничем не погасить... Сторишь ты в нем, как я сгорела... И Марфа тебе не поможет! Нет ее больше, Марфы... И меня нет. Ты одна осталась...

Алена хохотала, блестя зубами, закидывая красивую голову, на которой волосы превращались в тонких шипящих змеек. А потом вдруг являлся Лиде гроб, и в нем Алена, полувасыпанная землей, тянущая к ее горлу серые, тронутые разложением руки с длинными ногтями...

Лиде хотелось зажать уши, зажмуриться, чтобы не видеть, не слышать. Она кричала, но из ее сомкнутых уст не раздавалось ни звука, как это бывает во сне, полном жутких видений. Ей хотелось проснуться, но что-то давило на грудь и веки, не давало вздохнуть, раскрыть глаза... По утрам Лида долго не могла прийти в себя, успокоиться и встать с постели. Она похудела, перестала есть. Только Элина разгоняла ее печаль своими разговорами, да и то не надолго. Они все больше сидели вместе на втором этаже, молча глядели в окно на заснеженный лес...

– Неужто так из-за этого городского хахалю девка убивается? – обеспокоено думала баба Надя. – Аленку он до добра не довел, и Лидке голову морочит. Уехал вот, ни тебе ответа, ни тебе привета! Жук голубоглазый! Такие глупых баб-то с ума и сводят!

Баба Надя однажды ночью осмелилась, взяла из заветного сундука материны карты, разложила, как учила ее еще девчонкой Марфа, попыталась понять, что за судьба-злодейка у ее внучек? Уж какие красавицы, а счастья нет! Одна на кладбище, и вторая день ото дня сохнет, мочи нет смотреть! Уж она ли их не растила, не любила, не холила? Уж она ли их уму-разуму не учила? Что с девками случилось? Какой такой бес в них вселился?

Глядела баба Надя на карты, как они легли, – да так ничего и не поняла. Видно, не пошла ей наука Марфы в прок. Положила она колоду в вышитый мешочек, плюнула, перекрестилась, и отправилась на кухню, заваривать Лидке пустырник с валерианой. Пускай пьет на ночь! Средство верное, испытанное, уж если и не поможет, то вреда точно не принесет!

Всего этого из телефонного разговора с Лидой Влад, конечно, узнать не смог, но что-то его насторожило. Голос, полный невысказанной грусти, сожаления и тоски, – поведал ему больше, чем слова. Но это как раз понять можно, – Сергей уехал не куда-нибудь в соседнюю деревню, не в Харьков и даже не в Москву. Он уехал во Францию, далекую и призрачную страну, о которой все слышали, но никто не бывал, – ни Лида, ни Влад, ни Сиур... в которой говорят на другом языке, исповедуют другую религию и живут по другим обычаям. Там другие города, другие дома и другие люди. Там другие женщины, которые по-другому одеты и по-другому любят... Вернется ли он оттуда? Бог весть...

– Должен вернуться, – сказал Сиур, выводя Влада из задумчивости. – У нас с ним договор! А он мужик крепкий, не подведет. Только бы глупость какую не сотворил сгоряча!

– Ты что, мысли читаешь, или это я вслух думаю?

– И то, и другое, – засмеялся Сиур. – Ладно, давай приниматься за работу. Сегодня надо быть дома не позже девяти, ждать звонка от Горского.

Поглощенные делами и заботами, они не успели опомниться, как за окнами стемнело. По дороге заехали в супермаркет, купили вина и закуски. К ночи мороз усилился, под ногами скрипело, в лицо дул ледяной ветер. Прохожие торопились по домам, уткнувшись носами в покрытые инеем воротники и шарфы.

– Подержи, – Сиур дал Владу пакеты с едой, сел за руль. Машину удалось завести не сразу. – Ну, давай же, давай!

Сиур торопился, – времени оставалось в обрез: доехать до дома и открыть дверь квартиры. Все-таки, они успели. Междугородные звонки с коротким интервалом застали их в прихожей. Не раздеваясь, Сиур взял трубку.

– Сергей, ты?

Он знаком показал Владу, что это Горский. Тот облегченно вздохнул. Не опоздали!

Новостей у Горского было, хоть отбавляй. Во-первых, он узнал, кто продал ему медальон.

– Ты поговорил с этой Мари? Кто такая? Откуда у нее подвеска? – спросил Сиур.

– В том то и дело, что нет. Она исчезла. Куда-то уехала! Но я знаю ее адрес. Вдруг, там кто-то живет? Экономка, например, или родственница? Они могут подсказать, где искать Мари. И еще одно. У Мари была статуэтка Будды. Лили показала фото, и я узнал фигурку.

Сиур не поверил своим ушам. Честно говоря, он не особенно надеялся, что Горскому удастся получить какие-то важные сведения во Франции.

– Что?! Будда? Но тогда... девушки может уже не быть в живых.

– Я тоже об этом подумал, – уныло подтвердил Горский. – Фото я на всякий случай взял, pošлю вам по электронной почте.

– Послушай, Сергей, ты уверен, что выполняешь все наши инструкции по безопасности?

Влад засмеялся. Фраза прозвучала так, словно они на пятиминутке перед очередным рабочим днем.

– Есть кое-что еще, – волнуясь, продолжил Горский. – Мы повсюду искали Нину Корнилину, а она приехала во Францию по приглашению некоего месье Рене Дюшана. Она привезла с собой дневники Артура.

Сергей рассказал все, что ему удалось узнать от матери, в редакции журнала, от Патриции и Люсиль, от самих владельцев галереи, от посетителей выставки и от других знакомых.

Сиур выслушал, не перебивая. Когда Горский сделал паузу, чтобы передохнуть, он спросил:

– Где дневники? Можно ли их получить? Ты видел Нину? Говорил с ней?

– Нет...

В голосе Сергея прозвучали странные нотки.

– Почему? Вот чудак! Это же надо было сделать в первую очередь! – удивился Сиур. – Только Нина...

– Нина умерла, – перебил его Горский. – Она плохо себя чувствовала в последнее время. Я говорил с ее доктором. У нее было нервное истощение, депрессия, слабое сердце, ну и...

– Что? Ты узнал подробности?

– Доктор сказал, что она принимала снотворное. Таблетки плохо ей помогали, и она постепенно увеличивала дозу. В тот вечер...она приняла их слишком много. Вот сердце и не выдержало. Ей удалось, наконец, уснуть...вечным сном.

– Ну и шуточки у тебя, – возмутился Сиур.

Горский нервно хмыкнул.

– Мне не до шуток. Доктор сказал, что смерть Нины не вызвала никаких подозрений у полиции. Вполне обычный исход такого состояния здоровья, как у нее. Но я в это не верю. Она написала статью в журнал, используя материалы из дневников Корнилина. А вскоре выпила слишком много снотворного! Странное совпадение, тебе не кажется?

– Кажется, но...

– Это еще не все, – перебил Горский. – В доме не нашли никаких дневников Артура! Их и след простыл. Но это я так думаю, а полиция уверена, что никаких знаменитых «записок Корнилина» вовсе не было, что это всего только рекламный трюк, выдумка издателей и загадочной вдовы, с целью сорвать куш побольше! И они вполне преуспели в этом! Вот только насладиться полученными деньгами мадам Нине не посчастливилось. Сердце подвело, не выдержало радостного возбуждения. Ты представляешь? Так думает не только полиция, но и многие другие. Но я-то уверен, – дневники были. Были! Из-за них Нина и погибла. Ее смерть не случайна. «Они» добрались до нее, тут, во Франции...

– Жаль, – сказал Сиур. – Все ниточки обрываются прямо у нас перед носом.

– В этот раз нам, кажется, повезло, – возразил Сергей. – Патрисия рассказала мне потрясающую вещь! Оказывается, у Артура был ужасно неразборчивый почерк, и Нине приходилось записывать каждое слово, а потом составлять из них предложения. Тогда она угадывала смысл некоторых слов, которые совершенно невозможно было прочитать.

– И что это нам дает?

– А то, что был второй дневник, – переписанный Ниной! Подлинники она хранила дома, а этот дубликат передала Патрисии, в редакцию, чтобы той легче было делать перевод на французский. Про этот второй дневник никто не знал, и Патрисия отдала его мне. Она решила сохранить эту тайну в память Нины. Если бы этот дубликат каким-либо образом выплыл, то все сказали бы, что это доказательство обмана. Нина сама написала все это, выдавая свои собственные фантазии за дневники погибшего художника, чтобы заработать денег. Ты понимаешь, о чем я говорю?

Сиур согласился, что им действительно в этот раз повезло.

– Дневник у тебя? – спросил он. – Будь осторожен!

– Кроме меня и Патрисии никто ничего не знает! Я постараюсь сделать копию и выслать вам.

– Ты их читал?

– Не было времени, – ответил Горский с сожалением.

– Серега, ты здорово поработал! Я даже не ожидал. – Сиур думал, как предупредить Горского об опасности так, чтобы тот понял всю серьезность положения. – Но теперь ничего больше не предпринимай! Ты меня понял?

– Как это? А Ерофеев? Адрес, который он дал мне? Я обязательно должен проверить, что за этим кроется!

– Послушай! – Сиур старался говорить спокойно. – Ты ни в коем случае не должен идти ни по какому адресу! Тем более, Азарий дал его нам с определенной целью, – заманить тебя в ловушку! Я в этом не сомневаюсь.

– Но ведь раньше мы не договаривались...

– Раньше я ничего не знал о Мари из Франции, о Будде, о смерти Нины Корнилиной. Ее тоже заманили туда не случайно.

– Но...

– Никаких «но». Адрес Ерофеева – это ловушка, капкан! Не вздумай сунуть туда нос! Я надеюсь на твое благоразумие.

ГЛАВА 5

За пределами слов и смерти, за пределами прошлого и настоящего, северная роза синее, чем всегда. Избранный медленно пробуждается от своих снов. Еще немного дней и ночей пройдет, прежде, чем падающая звезда с холодного севера и ее свет утвердят великую тьму ...

О, странник, задержавшийся между мирами, приди в мои объятия, в час, когда появившаяся комета одиноко сгорает в черной глубине неба! Когда рожденная во время луны вновь разгорается битва мрака! Сила слова возвращает орла, древний жрец приходит из жаркой страны, объединяются два сердца, меч и кубок вновь встречаются под дубами, рождаются двое, ждущие окончательного избрания... Дьявол над землей, Ангел преисподней, застыл, слушая песню пророка: дрогнет ли луна, разгорится ли летящее пламя, одержат ли победу орел и солнце?..

Начало и конец подобны колесу, вращающемуся в Пространстве Тьмы, в глубине великих темных вод...

Вадим вскочил и сел, отирая вспотевший лоб. Снова вернулась эта ужасная головная боль, эти ночные кошмары!

Он достал из холодильника минеральную воду, выпил. Облегчение не наступало. В приоткрытую балконную дверь дуло ледяным воздухом и снегом, но он не чувствовал холода. Лицо и грудь горели, сердце билось тяжелыми частыми толчками. На столике в освещенном углу комнаты стояла фотография Евлалии, – тот самый портрет, из квартиры Тины. Она сделала ему сказочный подарок, – теперь он мог видеть Евлалию не только в снах. Ее глаза, черные, как безлунная ночь, сияли перед ним, а губы слегка улыбались... Он бы все отдал, за один поцелуй, за одно прикосновение к ним.

– О, Евлалия, если твое прекрасное лицо засыпано землей, то и я хочу туда, где над нами будут шуметь деревья и шелестеть в мягкой траве дожди. Зачем я заблудился в этом холодном и беспощадном мире один, без тебя, где мне все не мило, кроме снов о тебе?! Приди же за мной, возьми меня за руку и уведи в страну вечного молчания! Я хочу быть с тобой, где бы то ни было, под любым солнцем или в полной тьме, – лишь бы ощущать рядом твое дыхание, стук твоего сердца...

Вадим иногда разговаривал так в ночной тишине, – то ли сам с собой, то ли с прекрасной Евлалией... Иногда ему казалось, что она слышит его. А иногда его слова и мольбы улетали в черное безмолвное небо и исчезали в гулком межзвездье...

Он устал. Как же он устал от этой тяжелой, неизбывной тоски, от этой погони за призраком! После гибели брата одиночество стало невыносимым. Но что-то мешало Вадиму покинуть этот давно опостылевший ему мир, – мир без Евлалии. Что-то незаконченное, недоделанное, все еще держало его здесь. Его час не пробил, он чувствовал это, как чувствует волк приближение конца, но не сам конец... У него еще есть время для чего-то важного, которое вот-вот должно свершиться.

Он лег и долго смотрел, как передвигаются по потолку полосы тусклого света от проезжающих автомобилей. За окном пела свою заунывную песню глухая метель. Боль в висках и затылке стала ослабевать, и ему удалось, наконец, уснуть...

Вновь выплыло из туманного забвения нежное лицо Евлалии. Она зовет его, но куда?... Она хочет от своего рыцаря поклонения, жертв и безумств; она хочет любви полной, как золотая чаша с вином, такой, чтобы ее возлюбленный был готов на все. Чтобы раздвигались границы миров и луна замирала от зависти, чтобы...

Вторая половина ночи пролетела стремительно, как молния в грозовом небе. Утром Вадим встал посвежевший и бодрый. Головная боль исчезла, как не бывало.

Он посмотрел на часы. Сегодня предстоит много работы, которую придется выполнять днем, хотя это довольно-таки опасно. Но риск – это словно мускус и амбра, словно хмель, которого так не хватает в скучной и надоевшей жизни! Вадим быстро оделся, захватил все необходимое и вышел. Над заметенной снегом Москвой занималась чистая слабая синева. Морозный воздух жег легкие. Редкие снежинки медленно опускались с неба, золотые в ледяном утреннем воздухе.

Горский, окрыленный успехом, не собирался обращать внимание на предупреждения Сиура. Все казалось таким мирным, таким безопасным, – ленивое течение Сены, лужи на тротуарах, запах бифштексов в маленьких уютных кафе... Даже внезапное исчезновение Мари можно объяснить вполне обычным образом: душевная травма, разочарование в жизни, – ну и отправилась дама в путешествие, тоску разгонять, новые знакомства заводить. Смерть Нины Корнилиной, конечно, настораживала, но... в конце концов, после того, что случилось с Артуром она и вправду могла заболеть. Вот и доктор это подтверждает. Если бы не повышенная подозрительность, то все выглядело бы вполне естественно.

Да... то, что Нина оказалась здесь, – неслыханная удача! Франция преподнесла сюрприз, которого никто не ожидал. Дневники Корнилины! Сергей уж и не чаял их увидеть, а тем более получить возможность прочитать! Когда Патрисия отдала ему толстую тетрадь в клеенчатом переплете, густо исписанную красивым ровным почерком Нины, у Горского, что называется, дыхание перехватило и сердце сжалось, как перед первым свиданием.

Взяться за тщательное изучение дневников у него пока не получалось, но то, что Сергей успел бегло просмотреть, произвело на него странное и захватывающее впечатление. С первого взгляда ему стало ясно, что записки принадлежали Артуру, а не его жене. Нужно было совершенно не знать Нину, чтобы заподозрить ее в сочинении таких мрачных и изощренных фантазий.

Если Корнилину убили из-за дневников, то их, конечно же, нашли и забрали. Поэтому подлинников, написанных рукой Артура, не смогли обнаружить. Они исчезли, – но это еще не значит, что их не было. Клеенчатая тетрадь уцелела у Патрисии в столе, потому что о ней никто не знал.

Горский ощутил азарт охотника, который чувствует приближение дичи. Он на верном пути! Еще немного, и разгадка всех необъяснимых происшествий в Москве, Харькове, лесном доме деда Ильи, и даже в далекой Флоренции правления Медичи, – свалится прямо ему в руки! Тогда он сможет написать роман почище того, что задумал. Ведьмы! Это уже не казалось ему столь привлекательным. Тут пахнет кое-чем посерьезнее, – какая-то очень древняя и очень опасная тайна, возможно, связанная с... На этом его воображение иссякало. Он чувствовал себя маленьким мальчиком, стоящим перед наглухо закрытой тяжелой дверью, за которой свершается некое священное таинство, от которого зависит его судьба, а он не в состоянии проникнуть туда, чтобы узнать...

Ну нет! На этот раз «им» не удастся оставить его с носом! Он уже вырос из коротких штанишек. Горский привык брать у жизни все, что она дает, и отвоевывать у нее то, что она пытается от него скрыть. У «них» ничего не получится!

Кто эти «они», Сергей особо не задумывался, – причисляя к «ним» таинственного Азария, «черного человека», который наводил панический страх на Артура Корнилины, предполагаемых неизвестных убийц Нины и прочих подозрительных лиц. «Их» было много, и непонятно, чего «они», в конце концов, хотели. Впрочем, теперь у него есть все шансы узнать это! Неужели, он упустит такую возможность?!

Горский более не колебался. Адрес, который вручил ему в Харькове хитрый экстрасенс, он помнил наизусть, так что оставалось совсем немного, – пойти и посмотреть, кто или что там находится.

По его представлениям, это должно быть нечто, вроде тайного оккультного ¹⁸ общества или какого-нибудь мрачного ордена могущественных личностей, одержимых одной из странных идей «власти на миром». Что-то наподобие этого. Значит, и здание они занимают соответствующее.

Но... Сергей шагал по вполне фешенебельной улице, по бокам которой тянулись престижные, богатые и современные офисы, деловые конторы, банки и административные здания. Ветер немного разогнал тучи, и на бледное зимнее небо вышло солнце. Все вокруг дышало сыростью, с черных от воды деревьев капало. Навстречу Сергею, обходя лужи, шли улыбающиеся молоденькие девушки, – продавщицы или секретарши, – с букетиками сиреневых цветов в руках. И все опасения Горского таяли быстрее, чем остатки рыхлого снега в закоулках и у стен домов.

Он не поверил своим глазам, когда увидел номер нужного ему дома. Здание совершенно не походило на то, которое он рисовал в своем воображении. «Обиталище черных магов» выглядело как пятиэтажный особняк, в котором размещалось несколько фирм. Во всяком случае, наружные вывески говорили именно об этом: пара адвокатских контор, агентство по недвижимости, телефонная компания и солидная строительная фирма.

Сергей огляделся по сторонам, как будто бы рядом мог оказаться другой дом с таким же номером. Ничего подобного. Он пожал плечами и вошел в прохладный вестибюль. Под высоким потолком жужжал вентилятор, что казалось несколько не к месту в зимнее время года. Множество закрытых дверей тянулись по бокам узкого коридора. Ему нужна была комната, квартира или офис, – точно он уже не знал, – под номером 51.

Горский привык, что на первом этаже цифры на дверях должны начинаться с единицы, на втором с двойки и так далее. Но в этом здании творилось нечто невообразимое. Он потерял счет времени, блуждая по многочисленным запутанным и полутемным коридорам. Как назло, сотрудники компаний словно вымерли. Ему с трудом удалось отловить одного высокого худого господина, чтобы спросить, где же находится 51-я комната.

– На третьем этаже, в левом коридоре, – торопливо и очень недовольно ответил господин, стараясь быстрее отделаться от назойливого и «такого непонятливого месье».

После получасового блуждания по левым коридорам третьего этажа, Горский, опасно близкий к вспышке буйного бешенства, проклиная все на свете, оказался, наконец, перед дверью с номером 51. От злости он почти забыл, зачем пришел сюда. В коридоре пахло лаком и деревом. Сергей, стараясь успокоиться, остановился и прислушался. Из-за двери не доносилось ни звука.

Что ж, он у цели! Пора посмотреть, кто скрывается за дверью! Горский вздохнул, и готовый к самому страшному, решительно повернул ручку.

Большой светлый кабинет одного из руководителей строительной компании, как гласила табличка на двери, полностью соответствовал своему назначению. Хорошая офисная мебель, пара компьютеров, мягкие диваны вдоль стены, цветы в керамических вазах... За столом с черной зеркальной поверхностью располагался subtilный молодой человек в дорогом костюме, который неважно сидел на нем, с пышной шевелюрой и бледным самоуверенным лицом. Он едва поднял глаза на вошедшего.

– Я занят, – коротко сказал молодой человек, продолжая разглядывать какие-то бумаги.

Горский почувствовал себя неловко. Что он мог сказать этому господину, занятому своей работой? Однако, стоять и молчать просто невозможно. Так он ничего не узнает.

– Мне дал ваш адрес месье Азарий Ерофеев, в Харькове... – Сергей запнулся, представляя себе, каким он выглядит идиотом.

¹⁸ Оккультизм – учения, признающие существование скрытых сил в человеке и космосе, доступных лишь посвященным.

Молодой француз оторвался от своих бумаг. В его взгляде промелькнул интерес, однако совершенно другого рода, чем думал Горский.

– Что, простите?.. Какой Еро-ф-фе-ев? – еле выговорил он русскую фамилию.

Его глаза все сильнее разгорались каким-то странным огнем, по мере того, как он смотрел на незваного посетителя.

Горский истолковал это по-своему, думая, что месье, наконец, осознал, кто перед ним, и что сейчас начнется долгожданное прояснение ситуации. Так оно и произошло, однако...

– Кто вы такой?! – видимо закипая от бешенства, взревел молодой господин, привставая из-за стола. – Как вы посмели сюда явиться?! Придумать, что какой-то Еро-ф-ф... Еро...

Выговорить эту фамилию во второй раз месье не удалось, и он еще больше разволновался. Его темные глаза цвета зрелых каштанов едва не вылезали из орбит, подбородок дергался.

Сергей только раскрыл рот, чтобы объяснить, в чем дело, как молодой господин закричал:

– Не хотите ли вы сообщить мне, что передумали? Не затем ли именно вы и явились сюда? Наглый, гнусный лжец! Мерзкая скотина!

У Сергея появилось чувство, что его не за того принимают.

– Моя фамилия Горский, – сказал он.

Но это подействовало на хозяина кабинета, как красная тряпка на быка. Он ринулся из-за стола с такой прытью, что едва не перевернул крутящееся кресло с высокой спинкой, которое он пару минут назад занимал с таким достоинством.

– Ах, ты, негодяй! Ты еще смеешь напоминать мне, как тебя зовут?! – завизжал тщедушный месье, подскакивая к Горскому и хватая его за грудки. – Я тебя... я тебя...

Он задыхался от злости и брызгал слюной.

Сергея начинала раздражать вся эта нелепая сцена. Он никак не мог взять в толк, что происходит.

– Секундочку, месье, – вежливо и с холодком заявил он, беря железным захватом руки молодого человека и отрывая их от своего пиджака. – Успокойтесь, прошу вас, а то никакого разговора у нас с вами не получится.

Хозяин кабинета судорожно дергался, безуспешно пытаясь освободиться и бешено вращая глазами.

– Ты пришел разговаривать, мерзавец? Урод! Сволочь! – он чуть не плакал от бессилия и боли, потому что Горский чуть сильнее сжал его запястья.

Его здорово бесил сублильный хозяин кабинета с признаками острого душевного расстройства. Бывает! Бизнес – нелегкая штука, не каждому по плечу. Но чтобы вот так, ни с того, ни с сего, бросаться на людей, – это уж слишком! Тут нужен психиатр и смирительная рубашка.

В более-менее приемлемых выражениях, он постарался донести все это до сознания хозяина кабинета. Тот извернулся и попытался укунить Горского за руку.

– Да ты, братец, и вправду не в себе! – присвистнул Сергей, сильно встряхивая молодого человека. – Не желаешь ли освежиться?

Он схватил со стола хрустальный графин с водой и вылил на пышную прическу буйного месье. Пока хозяин шикарного кабинета отфыркивался и отряхивался, мысль Сергея лихорадочно работала, пытаясь найти ответ на вопрос: почему Ерофеев дал ему этот адрес? Глядя на молодого человека, сразу после «душа» ставшего похожим на мокрую курицу, думать о «тайном оккультном обществе» или об «ордене избранных», а тем более о «всемогущих черных магах» было не только неразумно, но и смешно.

– Я в-все равно н-не отдам тебе ее, – вздрагивая и смаргивая с ресниц капли воды, упрямо твердил молодой человек. – В-все равно н-не отдам. Так и знай! Тебе н-не на что

надеяться! С-совершенно н-не на что! – От волнения от слегка заикался. – У-убирайся! Ты м-меня не з-запугаешь!

– Да в чем дело? – не выдержал Горский. – Почему я должен выслушивать весь этот бред? Чего это ты мне не отдашь? Разве я у тебя что-то просил? Сядь! – он сгреб хозяина кабинета в охапку и бросил на мягкий диван, опускаясь рядом. – Говори толком! Я вхожу, ты на меня бросаешься, как сумасшедший, орешь чего-то! Да я тебя первый раз в жизни вижу! И ты меня, надеюсь, тоже. Что происходит, ты можешь объяснить? Да не стучи ты зубами, не трону... На кой ты мне нужен? Если бы не адрес...

Горский плюнул с досады. Ему сильно захотелось курить: впервые, после смерти Алены.

Молодой француз злобно сверкал глазами, порываясь встать.

– Сиди! – прикрикнул на него Горский. – А то получишь.

– Ты же ее бросил! – сказал хозяин кабинета, откидываясь на спинку дивана. Он смирился со своей участью, и в его голосе появились нотки покорности.

– Кого? – удивился Сергей.

– Лили, – молодой человек вздохнул и опустил глаза.

– Лили?! – Горский едва не вскочил с дивана, порядком напугав при этом молодого человека. – Господи помилуй! При чем тут еще и это?

– Как? – голос худощавого господина дрогнул. – Разве ты не из-за нее пришел?

– Из-за нее? С чего ты взял? При чем тут Лили?

– Я видел вас на фотографии, – устало произнес молодой человек. – Вместе с Лили. Вы стояли на палубе прогулочного катера, обнявшись. Я узнал вдали очертания Марселя.

Горский вспомнил, что однажды они с Лили ездили на пару дней в Марсель, провели там выходные. Они ели устрицы в ресторане на Ла-Канбьер, а потом наняли прогулочный катер. Синяя гладь моря со скалистыми островами сияла, кое-где покрытая мелкой золотистой рябью. На одном из этих островов, по преданию, был заключен граф Монте-Кристо. Сергей долго пытался угадать, на каком. Лили спросила у моряка, который вел катер, но он только смеялся, показывая крепкие, желтые от табака, зубы, и курил трубку. Как давно это было!

– Так ты...

– Я Франсуа, жених Лили, – сказал молодой человек. – Она обещала, что в начале февраля выйдет за меня замуж. Ведь ты ее бросил. Ты негодяй! Но я очень рад этому. Я люблю Лили, с детства. А она не хотела и глядеть на меня. – Он тяжело вздохнул и провел рукой по лбу. – Эта строительная фирма принадлежит моему отцу. Мы неплохо обеспечены, и Лили будет хорошо со мной. Тебе она не нужна.

Он смотрел на Горского глазами побитой собаки.

– Послушай, – Сергей не знал, что и думать. – У меня с Лили давно все кончено...

– Так ты пришел не за тем, чтобы отнять ее у меня?

В глазах Франсуа загорелась надежда. Он не верил в свою удачу. Увидев на фотографии Горского, он понял, что этому красивому мужчине, который обнимает на палубе катера счастливую, улыбающуюся Лили, он не соперник. Куда ему? Такой самоуверенный красавец уведет из-под носа любую женщину, не то, что Лили, которая влюбляется, как кошка.

Франсуа знал историю о неудавшейся свадьбе девушки и был на седьмом небе, когда Горский уехал в свою Россию. И вот... Кто бы мог подумать?! Он снова появился в Париже, набрался наглости прийти прямо в кабинет Франсуа, чтобы... Чтобы что? Следовало не кидаться на него с кулаками, а выяснить, чего хочет этот суперлюбовник с похотливыми глазами и железными мышцами.

Франсуа потер плечо, которое все еще болело, и промямлил:

– Ты ведь пришел не затем, чтобы заявить свои права на Лили? Мы уже договорились, что поженимся! Она обещала...

– Прекрати скулить, – очень невежливо оборвал его непрошенный гость. – Ты мужик или нет? Не нужна мне твоя Лили! Понял? Успокойся, наконец!

Горский напряженно думал о чем-то своем, и до Франсуа начало доходить, что Лили, скорее всего, действительно ни при чем. Парню надо что-то другое. Может, он хочет заключить контракт с фирмой на строительство магазина? Дела у него идут лихо, капитал растет... Может, у него серьезное предложение, а вовсе не разборки из-за женщины?

– Тогда... зачем вы пришли? – робко спросил хозяин кабинета. Он снова стал вежливым, всю его воинственность как ветром сдуло.

– Я, собственно... – Горский никак не мог понять, что он перепутал. Каким образом он оказался в кабинете Франсуа? Все выглядело очень глупо. А этого он не любил больше всего – выглядеть глупо. Нужно придумать какое-то объяснение, что-то сказать. А что? Ничего соответствующего случаю в голову не приходило. Пауза затягивалась...

– Так в чем дело? – осмелел Франсуа. – Чем могу быть полезен?

– Я... Вам что-нибудь говорит такое имя, как Азарий Ерофеев?

– Абсолютно ничего... – ответил молодой француз, растерянно моргая. – А кто это? Судя по всему, он ваш соотечественник, вы и должны знать... Почему вы пришли сюда?

– Он дал мне этот адрес: улицу, дом и даже номер комнаты, – 51.

– Все правильно, – подтвердил Франсуа. – Но я не знаю такого человека. Может быть, это один из клиентов нашей фирмы? Нашими услугами пользуются иностранцы, и русские в том числе. В Париже их не так уж мало. А зачем он вас послал ко мне?

– Я бы и сам хотел это узнать! – вздохнул Горский.

Не мог же он, в самом деле, заявить представителю преуспевающей французской фирмы, что ожидал найти в его кабинете сборище «черных магов» или, на худой конец, магистра какого-нибудь загадочного ордена колдунов?! Сама эта мысль в сияющем деревом и лаком современном офисе показалась Сергею настолько нелепой, что у него язык не повернулся сказать, что его привело сюда. Да и сам жалкий вид Франсуа, который не только телом не вышел, но и духом оказался до смешного слаб, – говорил сам за себя. Уж он никак не походил ни на могущественного и таинственного «Маистра», ни даже на его последнюю шестерку! А этот шикарный кабинет он занимал потому только, что владельцем фирмы был его родной папочка. Никакой уважающий себя и свое дело бизнесмен не нанял бы такого слюнтяя на важную должность.

– Ладно, пока, – еще раз вздохнул Горский и направился к двери. – Привет Лили!

– Подождите, – пропищал Франсуа, вставая с дивана. – А как же... В чем же, все-таки, дело? Что вы хотели?

Сергей, не оборачиваясь, махнул рукой и вышел в полутемный прохладный коридор. Дорогу назад он нашел гораздо быстрее, хотя и тут пришлось немного поблуждать по лестницам и переходам. На первом этаже все так же монотонно жужжал вентилятор.

Город встретил его дождем и сиреневыми сумерками. С неба сыпались частые капли, сверкающие и переливающиеся в свете фонарей и неоновых ламп. Из окна дорогого ресторана раздавалась негромкая музыка. Пахло мокрой землей и талым снегом.

Сергей глубоко вдохнул в себя сырой дождевой воздух и зажмурился. Он ничего не понимал! Адрес Ерофеева оказался насмешкой, дурацкой, недостойной шуткой! Что за дикая выдумка? Бред! Один сплошной бред!..

Горский не замечал дождя, луж и ветра. Он шел по улице словно во сне, безуспешно пытаясь проснуться. Сколько времени он пробыл в кабинете у Франсуа? Ему показалось, не более часа. А на улице уже вечер, горят фонари... Но этого не может быть! Черт! Он потерял

ощущение реальности! Или это помутнение рассудка? Оттого, что он слишком много пил, живя с Аленой. Алкогольный синдром! Он может дать о себе знать в любой момент.

– Стоп! – сказал он себе. – А вдруг, я адрес перепутал? Надо было не слушать Сиура с Владом, а записать-таки! Теперь иди думай, что, как и почему?! Это все излишние предосторожности!

Сколько он уже в Париже, и никому нет до него никакого дела! Никого он не интересуется! «Адрес Ерофеева – ловушка!» – вспомнил он телефонный разговор с Москвой и рассмеялся. Боже, у них всех развилась мания преследования! Это же просто смешно! Франсуа – «великий магистр ордена черных магов!»! От смеха у Сергея потекли по лицу слезы, смешиваясь с каплями дождя. Он просто сгибался от хохота, пугая редких прохожих, которые спешили по домам. А может, и все остальные опасности такая же выдумка? Их собственная выдумка? Каким же он выглядел бы идиотом, возмись объяснять Франсуа, что не спал ночь перед посещением его фирмы? Что едва мысленно не молился, прощаясь с жизнью, с Лидой, с идеей написать книгу и прославиться?

Горский вспомнил «инструкции по безопасности», которые терпеливо втолковывал ему Сиур перед отъездом, и оглянулся, не идет ли кто за ним. Пустынная улица, темная, залитая дождем, вызвала у него новый приступ смеха, до судорог и колик в животе. Сергей корчился от хохота, когда перед ним остановилось такси.

– Вам плохо, месье? – спросил водитель, опустив мокрое боковое стекло. – Садитесь, я отвезу вас. Вам куда?

Горский было немного успокоился, но тут ему на ум пришли слова Влада о том, что «ни в коем случае нельзя садиться в первую подъехавшую машину». И его снова прорвало. Задышавшись от смеха, он плюхнулся на заднее сиденье. С мягким стуком захлопнулась дверца, и Сергея охватило приятное комфортабельное тепло салона, запах новых сидений, льющаяся из динамиков песня...

– Назовите адрес, месье, – обернулся водитель, приветливо улыбаясь.

Автомобиль несся по залитой призрачным светом улице, поднимая фонтаны брызг. Дождь барабанил по крыше, по стеклам текло. Горский вытянул ноги в сырых ботинках, только теперь ощущая, как он вымок и продрог. Проклятие! Что все это значит?

Он расплатился с таксистом у своего дома и взбежал по лестнице. В квартире Сергей сразу поставил воду на кофе и отправился в душ. Горячая вода согревала медленно, выгоняя из тела неприятный озноб.

Эту ночь он будет спать спокойно, а завтра отправится в небольшой городок, где жила Нина Корнилина, поговорит с Жаннет, посмотрит на все своими глазами, подумает... Хватит быть идиотом! Бояться собственной тени, когда над ним просто смеются!

Уже проваливаясь в сон, он вспомнил, что в этом же городке, кажется, проживала со своим странным мужем Мари. Мари... которая продала ему флорентийский медальон, а потом исчезла...

ГЛАВА 6

Лесной дом стоял весь засыпанный снегом. Лида проснулась и сразу бросилась к окну, – где-то среди снежных сугробов жалобно мяукал котенок. Как он попал сюда? Раньше в лесу котов никогда не было. Марфа их не жаловала, а Илья во всем слушался жену.

Лида осторожно, стараясь не разбудить Элину, выскользнула из комнаты, спустилась по деревянной лестнице вниз, надела валенки на босу ногу и вышла на порог. Ее охватила торжественная морозная тишина, полная запаха снега и дыма. Баба Надя вставала ни свет, ни заря, топила печку, ставила тесто на пирожки и оладьи. Густой дым из трубы поднимался вертикально вверх, заснеженный лес застыл в неподвижности и безветрии. Лида оглядывалась, стараясь определить, откуда раздается кошачье мяуканье. Почему это так ее раздражает? Котенок не нашелся, и девушка вернулась в дом.

Все еще спали. Дед Илья кряхтел на печке: их в доме было две, – одна на кухне, другая в большой горнице. Баба Надя гремела казанами. Только Иван остался в селе, топить дом, приглядывать за скотиной. Он наотрез отказался зимовать в лесном доме, как его ни уговаривали. Но так оно и правильно вышло, – кто-то же должен корову, кур, кроликов кормить. Баба Надя все причитала, что он не справится, да бегала через день на свое хозяйство. Потом успокоилась, увидела, что все идет, как надо. А как снег выпал, без лыж из лесного дома до села нипочем не добраться стало, – делать нечего, пришлось полностью на Ивана положиться.

– Со скотиной да птицей Ванька управляться умеет, авось не оплошает, – рассуждала баба Надя, ловко переворачивая на сковороде оладьи. – Еды у него в погребе полно: колбас домашних, окороков, сала копченого, тушенки, картошки, капусты квашеной, варений и солений, – до лета не поест. Об этом волноваться не стоит. Здоровье у него тоже крепкое, не в пример слабости ума. Одно другому не помеха.

В погребе у бабы Нади стояли несколько бутылей сахарной самогонки, чистой, как слеза, – но и об этом она не переживала. Иван – мужик не пьющий, дурной только. Фантазер! Помешался совсем на кладах, людям и себе голову морочит! Кабы худа не приключилось...

Ночью бабе Наде приснился страшный сон, будто пришла к ней ее мать, красавица-колдунья Марфа, грустная, простоволосая, в вышитой красными розами сорочке.

– Вставай, – говорит, – Надька, довольно спать! Твой сын в озере утонул. Настало время слез... Сначала Аленка, теперь Ваня... Просыпайся, дочка, беда в дом идет...

Надька проснулась, села среди своих перин, долго крестилась и молитву читала дрожащим шепотом. Она знала, что мертвые снятся к перемене погоды, и особо не испугалась. Но уж больно нехорошие слова Марфа сказала; легли они на сердце, как тяжелый камень. Баба Надя больше спать не ложилась, решила работой себя занять. Наносила воды из колодца, дров из сарая, тесто развела. Печка весело потрескивала, из-за заслонки летели искры. На блюде росла горка румяных оладушек, самовар кипел. А на душе у Надьки было сумрачно и беспокойно.

– Вы об Иване думаете, баба Надя? – спросила ее Элина за завтраком.

– Об нем, бестолковом, – кивнула хозяйка. – Душа болит чего-то, ноет, как зуб на погоду.

Лида молча пила чай, думала о своем. Ее замучили коты. То придет к дому приبلуда какая-нибудь тощая, мяукает истошно под дверями, царапается; то котята мерещатся... Вообще-то Лида кошек любила, особенно в детстве, охотно играла с ними. Почему же сейчас они ее так раздражают, действуют на нервы? Под утро ей даже показалось, что огромный серый кот разлегся у нее на груди, придавил так, что стало нечем дышать. Никакого

кота в комнате, конечно, не оказалось... Скорее всего, это ей приснилось, потому что мяукал котенок за окном. Или котенок тоже приснился?

– Ешь, Лидка, потом думать будешь, – недовольно ворчала баба Надя. Удрученный вид внучки портил ей и без того скверное настроение. – Оладыи стынут!

Она все думала об Иване. Чего ему делать на озере в такую погоду? Он в селе остался, на хозяйстве, – оттуда до лесного озера летом топать да топать, а уж зимой... Да нет, не попрется он по снегу на озеро! С какой стати? Рыбу ловить он без деда Ильи не любит, позвал бы старого с собой. А клад искать подо льдом тоже несподручно...

Баба Надя и так, и эдак уговаривала себя, но тревога и боль в сердце все росли и росли.

– Пойду полежу чуток, – сказала она и отправилась в горницу, на сундук, где любила днем отдыхать.

Лида и Элина молча переглянулись. Чтобы баба Надя после завтрака лежать захотела, – дело небывалое!

– Она об Иване думает, беспокоится, – прошептала Элина: не хотела, чтобы Ильи слышал. – Ей, наверное, плохой сон приснился.

– Мне тоже, – ответила Лида. – Знаешь, Элина, к чему коты снятся?

– Коты? – Элина задумалась. – А какими ты их видишь? Что им нужно?

Лида пожала плечами.

– Ну... то на грудь мне улягутся, то пищат, мяукают и царапаются. Как будто совсем рядом, под окном или под кроватью... А на самом деле нет никого. Прямо настоящее кошачье нашествие!

Элина внимательно слушала, переспрашивала, снова слушала.

На улице началась метель. Снег шуршал по стенам, крыше веранды, стучал в окна. Сильные порывы ветра раскачивали вековые ели. Стало темно, как в сумерки. Девушки зажгли керосиновую лампу.

– А ты вспомни, не причиняла ли вреда какому животному? – сказала вдруг Элина.

– Нет... я люблю животных. Даже рыбу чистить не могу, пока она еще шевелится...

– Подумай все-таки.

Элина налила себе и Лиде чаю в большие синие чашки с золотым ободком, принесла варенье. Дед Илья свернул себе самокрутку из бумаги, вышел на порог покурить, но тут же вернулся обратно, весь засыпанный снегом.

– Ну и лютует! – сказал он удивленно. – Давно такой зимы не помню! То вода стоит по колено, то вьюга, как на северном полюсе. Чудно это!

– Я вспомнила! – воскликнула Лида. – Вспомнила! Я же убила козу! Но... я не могла поступить иначе, я должна была... Я... была благодарна ей за то, что она спасла мою жизнь. Она осталась там, в пещере, завернутая в одеяло... – Лида ощутила на губах вкус крови, которую она пила, надрезав жилу на шее козы, и ей стало не по себе. – Я ее похоронила. Ты думаешь, она все еще обижается на меня?

– Может быть, – медленно произнесла Элина. – Дух животного надо успокоить.

– Легко сказать! А как это?

Элина поставила чашку и села на сундук, скрестив ноги, закрыла глаза. Она тоже не знала.

– Сейчас что-нибудь придумаем! Садись рядом.

Они сидели на сундуке, как два китайских болванчика. Лида не выдержала и прыснула со смеху.

– Представь себе образ козы! – нараспев произнесла Элина. – И поблаговари ее за то, что она отдала тебе свою кровь...

Лида послушно все выполнила. Ей показалось, что у нее получается.

– Ну что, она довольна? – спросила Элина.

- Кто?
- Коза.
- А...да. Кажется, довольна! Подожди-ка...
- Что?
- Коза не одна. С ней маленький козленочек. Веселенький такой! Беленький, с золотыми рожками! И прыгает! Он хочет, чтобы я пошла за ним. Идти?
- Элина приоткрыла глаза и очень серьезно кивнула.
- Ой... – Лида беспокойно заерзала. – Он провалился...
- Куда?
- Сквозь землю...

Горский любовался старинным собором из серого камня, с огромными разноцветными витражами, горящими в утреннем солнце. По жестяным желобам стекала вода, с каменных фигур у входа капало. Франция – родина готики, и почти в каждом маленьком городке есть старинная церковь или монастырь, а то и остатки замка знатного дворянина, бывшего владельца этих земель. Сергей любил эти маленькие селения, с расходящимися в разные стороны от соборной площади узкими улочками с остатками крепостной кладки, заросшими бузиной и шиповником, увитыми плющом. Он сам долго жил в таком городке, снимая квартиру с окнами, выходящими на рынок и мэрию; по вечерам бродил по затихшим темным улицам, любовался печальной и строгой красотой готического храма в свете луны, темными ликами скульптур, причудливой игрой света и тени на каменной резьбе карнизов и стен... Только перед самым отъездом в Харьков он перебрался в Латинский квартал Парижа, чтобы быть поближе к родителям, да и средства стали позволять.

Сегодня высокое и стройное, летящее ввысь здание собора неожиданно напомнило Горскому замок Камелот, в котором собирались рыцари короля Артура.

– Это дневники Корнилина произвели на меня такое впечатление, – подумал он, набирая полную грудь холодного зимнего воздуха. – Кстати, в этом же городке жила Нина. Надо бы зайти, поговорить с хозяйкой дома, может, она вспомнит что-нибудь необычное... Но это потом. Сначала – Мари, ее таинственное жилище.

Сергей представил себе лицо Лили с округлившимися от страха глазами, когда она рассказывала про «замок», в котором поселилась подруга после замужества, и улыбнулся. Сиур тоже пугал его «ловушками» и «капканами», якобы ожидающими Сергея по адресу экстрасенса Ерофеева, – а что вышло? Попал в офис Франсуа; тот оказался женихом Лили, приревновал, подрались... Смех, да и только! Не стоит преувеличивать опасности и злонамеренные козни неизвестных противников. Осторожность хороша, когда она в меру.

Размышляя и улыбаясь своим мыслям, Горский шагал по улице, застроенной двухэтажными домиками, которые выглядывали из-за каменных заборов. Из длинных труб высоко в ясную прозрачность неба поднимались дымы. На обочинах лежал черный ноздреватый снег. Эта мирная картина была такой же и сто, и двести лет назад. Так же над черепичными крышами качались кроны буковых деревьев и столетних дубов, так же вился по заборам дикий виноград, и так же пастухи гоняли коз искать остатки зеленой травы на склонах. В воздухе так же стояла звонкая синева, пронизанная зимним солнцем, полная запахов талого снега, прелых листьев и дыма.

Узкая улочка оборвалась внезапно, открыв взору необъятный и свежий простор зеленовато-бурых холмов, над которыми сияло желтое солнце. Далеко в золотистом тумане вилась река. На фоне этого сказочного тумана и реки четко и мрачно выделялся старинный рыцарский замок, вернее, его часть, отстроенная новым хозяином. Остальное здание лежало в руинах, темных от мха, лишайника и сырости.

Горский подошел поближе. Замок стоял на холме, который с обратной стороны круто обрывался вниз, а спереди был пологим и окруженным некогда глубоким и широким рвом. Остатки моста еще кое-где виднелись среди молодой дубовой поросли и густого кустарника; сам ров почти сравнялся с землей, зарос можжевельником и травой. Никакой ограды не было, – прямо к массивным, окованным железом дверям вела неширокая, усыпанная красным гравием, дорога, напоминающая подъезд для карет и экипажей. Во всяком случае, гораздо легче было представить скачущего по ней всадника, запыленного и пахнущего ветром, чем современный автомобиль. Стояла неподвижная и чуткая тишина, нарушаемая только шагами незваного гостя, да глухим и далеким звоном колокольчиков пасущегося стада коз. Вокруг не было ни души.

Окна, высокие и узкие, украшенные мозаичными витражами, утопали в толстых стенах. По огромным камням, из которых был сложен наполовину ушедший в землю фундамент, вился плющ. Сергей задрал голову, – наверху двускатная крыша, покрытая каменными пластинками, заканчивалась по углам старинными башенками. Нигде не было видно ни единого открытого окна; из каминных труб не вился дымок... Видимо, обитатели покинули свое громоздкое и холодное жилище, напоминающее скорее мрачную темницу, полную призраков прошлого, нежели жилой дом.

– Н-да... в таком домишке поживешь пару недель, не то, что нервы расстроятся, – крыша съедет! – подумал Горский. – Неудивительно, что Мари отсюда уехала. Однако, как же мне попасть внутрь? А может, все-таки в доме кто-то есть? Экономка, или садовник?

Он улыбнулся над своей последней мыслью: кроме старых узловатых буков и дубов, тянущих к небу свои корявые черные ветви, да густого кустарника, никакой растительности вокруг странного дома не было. Вдруг, ему показалось, что в одном из окон второго этажа мелькнул голубоватый свет. Кто-то все же есть! Не могли хозяева оставить такой огромный дом без присмотра. Конечно! Что за глупости приходят ему в голову?

Он приблизился к двери и долго стучал по медной пластинке толстой скобой в виде двух львиных лап. Никакого ответа. Горский стал стучать сильнее. Ничего... Проклятие! Неужели, он зря сюда приехал? Никакого другого способа проникнуть в дом, как через дверь, Сергей не видел. Окна высоко, к тому же, на них, кажется, решетки.

Черт! Что же делать? От отчаяния он пнул ногой тяжелую дверь с полукруглым верхом. Никакого эффекта. Горский был на редкость упрям и не привык отступать, – поэтому вместо того, чтобы повернуться и уйти, он начал что было сил дергать за ручку из потемневшего металла. В какой-то момент ему показалось, что дверь поддалась, и он удвоил усилия. Разозлившись, Сергей дергал и вертел ручку, так, что если бы она не была по-старинному прочной, то давно отвалилась бы. Вдруг раздался громкий щелчок, и... с легким приятным шорохом дверь отворилась, отбросив Горского чуть назад, так как он приложил к этому слишком большое усилие.

Незванный гость опешил: оказывается, ему нужно было только слегка повернуть ручку! Выходит, дом не заперт? В таком случае, в нем точно есть кто-то, – либо сама хозяйка, либо прислуга. Сергей оглянулся, – за его спиной сияло солнце и зеленели освобожденные от снега холмы. Перед ним зиял полумрак дверного проема, словно вход в потусторонний мир, – тихий и зловещий, внутри которого затаилась угроза...

– У меня нервы разыгрались, как у чувствительной барышни, – недовольно подумал Горский.

Он не ожидал от себя подобного малодушия. Когда дверь не поддавалась, он ломился в нее, как дикий вепрь сквозь лесную чащу, а стоило ей открыться, как он... Мысли о собственной трусости Сергей просто не мог допустить. Он вздохнул и решительно сделал шаг вперед, внутрь чужого незнакомого жилища.

За дверью оказался длинный сумрачный коридор. Пахло старым камнем, деревом и пылью. Гость сделал несколько шагов в темноте, и услышал слабый стук, – это закрылась входная дверь. Что за чертовщина! Горского обступила полная темнота... Он вернулся назад и попытался выйти. Безуспешно. Изнутри дверь оказалась совершенно гладкой и скользкой, без ручки и каких-либо выступов. Ему ничего больше не оставалось, как идти вперед. Должен же кто-то быть в чертовом доме, раз дверь не заперта?!

Горский шел наугад по коридору и придумывал, что он скажет. Почему он вломился в чужое жилище без приглашения? Что ему здесь нужно? С прислугой беседовать будет нетрудно, а вот с хозяевами... Не хватало только, чтобы и тут разыгрался скандал, как в офисе Франсуа! Как глупо все это выглядит! Пока что, кроме дневников Артура Корнилина, ему ничего не удалось раздобыть.

– Эй! – громко сказал Сергей. – Здесь есть кто-нибудь?

Его слова растаяли без следа в темных пространствах дома. И снова наступила тишина. Один коридор сменялся другим, и все они поворачивались налево, против часовой стрелки. У Горского появилось ощущение дурноты, как на корабле в сильную качку. Наконец, очередной коридор кончился двумя лестницами, – одна из которых вела вверх, а другая вниз. Гость решил подняться на второй этаж: именно там он видел свет в окне. Ориентироваться в странном доме было трудно, почти невозможно. Сергей не понимал, где он находится. Фонарика у него с собой не было, спичек или зажигалки тоже. Окна, очевидно, были только в комнатах, а как в них попасть, гость не знал. Из коридоров какие-то двери вели в другие помещения, но все они оказались заперты.

Горский двигался наугад, и одна из дверей поддалась. Через зарешеченное окно едва проникал внутрь слабый свет... Никакой мебели не было, кроме круглого мраморного столика, на котором стояла большая черная свеча. Она горела, но пламя казалось тусклым и маленьким.

– Значит, я был прав, и в доме кто-то есть! – обрадовался Сергей.

Со свечой передвигаться по бесчисленным пустым коридорам и закрученным лестницам было намного легче.

– Эй! – снова крикнул он. – Отзовитесь! Кто тут живой?

Слабое эхо ответило ему, и воцарилась прежняя тишина. Неожиданно Горский попал в просторное, пыльное помещение, полное пустых плетеных коробов и сундуков. На полу валялись осколки фарфора и стекла, глиняные черепки, громко трещащие под ногами. Три крошечных окошка, больше похожие на узкие бойницы, пропускали солнечный свет и холодный воздух. Сергей посмотрел в одно из них, и понял, что каким-то образом забрел на чердак! Странно... Никто не слышал, как он ходит по дому? Лучше спуститься вниз и попробовать открыть дверь. Похоже, здесь таки никто не живет! Мебели нет, электричество отключено...

Он долго блуждал, пока смог спуститься и найти входную дверь. Увы! Она захлопнулась, и все попытки открыть ее оказались тщетны. Сергей почувствовал усталость, и присел на пол отдохнуть. Показалось, что он бродит по замку несколько дней, хотя прошло всего пару часов. Как его угораздило позволить двери закрыться? Это все беспечность! Сиур и Влад его предупреждали.

– О чем они меня предупреждали? – разозлился на себя Горский. – Об опасности! Что за мной будут охотиться! А не о том, что я заблужусь в пустом доме... Черт!

Этого только не хватало! Как теперь отсюда выбраться?

Незаметно он провалился в сон, который длился минут двадцать или около получаса. Ему ничего не снилось, а пробуждение не принесло радости. Горский зевнул, поднялся, отряхнул пыль и паутину, и вновь отправился на поиски выхода. Теперь он был гораздо внимательнее, и обнаружил необычное устройство внутренних помещений, – все лестницы и

коридоры были в середине здания, узкие и крутые, закрученные против часовой стрелки. Ступеньки едва позволяли поставить на них ногу, а низкие железные перила заставляли горбиться и наклоняться. Постоянная угроза упасть, потерять равновесие и свалиться вниз, держала в напряжении, вызывала головокружение и дрожь в теле. Некоторые коридоры оканчивались тупиками, в которых царила непроглядная темень; арочные своды напоминали монастырские переходы, а маленькие комнатки – пустые кельи. И повсюду – черная липкая паутина, гулкая пустота и сквозняки.

Горский никак не мог смириться с мыслью, что в доме никого нет. Кто же, в таком случае, зажег черную свечу? Что за голубоватый свет мелькал в окне второго этажа? Если второе могло ему привидеться, то свечу он держал в руке, и она была вполне твердой и реальной. Кроме того, Сергей понял, что ошибся, думая о запертых комнатах. Многие оказались открыты и пусты; на каменных стенах висели рамы от картин, темные пыльные драпировки, бронзовые канделябры.

– Бедняжке Мари жилось тут не весело! – подумал Горский. – Ничего удивительного, что и Лили не понравился подобный интерьер. Тут кто угодно впадет в черную меланхолию!

Сам он страха не испытывал, – только досаду на то, что так глупо влип. Теперь придется бродить по всему зданию из конца в конец, в поисках выхода. Впрочем, он не сомневался, что выход есть, и он его непременно найдет!

В таком доме обязательно должен быть большой подвал. Может, удастся вылезти наружу через подвальное окошко, если оно без решетки. как на чердаке? Горский решил спускаться по лестницам вниз, в подвал, и искать там окно, а если повезет, то и дверь.

Это заняло не так уж много времени. Очутившись в подвале, среди пустых винных бочек, старого хлама и сложенных у стены дров, Сергей задумался. Ни окон, ни дверей здесь не оказалось, – только люк посреди усыпанного известкой и стружками пола. Видимо, в подвале держали стройматериалы для ремонта. Куда может вести этот люк? Под такими постройками часто сооружали подземные переходы и выходы наружу на случай осады, нападения или иной опасности. Чем черт не шутит? А вдруг, именно таким способом удастся выбраться из проклятого дома?

Горский не стал долго размышлять, – он открыл тяжелый люк и увидел крутую узкую лестницу, ведущую вниз. Показалось, что из глубины раздается слабый, еле слышный шум воды. Сергей осторожно преодолел несколько ступенек вниз, держась руками за края люка. Свеча все еще горела, и ее могло хватить надолго. Черный воск плавился очень медленно, и скупой огонек был как раз то, что надо.

Незадачливый путешественник по чужим жилищам сделал еще пару шагов вниз, как ступенька под его ногой треснула, он потерял равновесие и упал вниз. Кажется, от удара он потерял сознание, а когда пришел в себя, его окружала тяжелая, непроницаемая тьма, полная сырости и падающих сверху капель воды... Свеча откатилась в сторону и погасла. Горский приподнялся, пытаясь рассмотреть люк вверх, но ничего не увидел. На какой-то миг ему показалось, что люк, так же, как и входная дверь, сам по себе захлопнулся. Он прогнал от себя эту нехорошую мысль и впал в странное и тревожное забытие.

Время от времени его сознание прояснялось, и он понимал, что попал в ужасное положение, из которого ему самому не спастись. Почему он не сказал в редакции, куда направляется? Почему не предупредил родителей, или хотя бы Лили? Ему хотелось сохранить все в тайне, и теперь ни одна живая душа не знает, где он находится. Теперь ему неоткуда ждать помощи. Никто не придет сюда искать его. Никто не знает, что он здесь. Никто...

Горский застонал, то ли от досады на самого себя, то ли от боли в затылке. Как получилось, что он оказался совершенно один в пустом чужом доме? Как глупо! Глупо! Дурацкие тайны! Вот чем все это кончается! Любитель острых ощущений имеет все шансы испытать желаемые ощущения в полной мере и даже сверх того! Bravo! Никто не искал его, не

пытался убить или ограбить... Он сам залез в брошенный хозяевами дом, захлопнул дверь, провалился в подземелье! Все сам! Обошелся без помощников! Здорово, ничего не скажешь! Умный мужчина всегда сумеет обеспечить себе интересное времяпрепровождение.

Сергей снова провалился в спасительное беспамятство...

ГЛАВА 7

Баба Надя вышла в сарай за дровами. За ночь опять намело снега, так что ей пришлось откапывать дверь. Бледноватый рассвет серебрил крышу дома, заснеженные ели, между которыми мелькала чья-то фигурка.

Женщина поправила платок и прищурилась, пытаясь рассмотреть, кто же это к ним в лесной дом пожаловал.

– Петька, ты, что ли? – крикнула она, когда маленький лыжник вынырнул из леса, направляясь во двор. – Стряслось что?

Мальчик раскраснелся от быстрого бега. Пушок на его лице покрылся инеем. Это и в самом деле оказался Петька, тринадцатилетний сын соседей бабы Нади, который нередко лазал к ней в сад воровать груши и яблоки.

– И чего ты, Петька, по ночам в саду шастаешь? – стыдила парубка баба Надя, обнаружив следы его набегов. – Приди по хорошему, я тебе и груш, и яблок, и слив дам, сколько захочешь! Ну, чего тебе по заборам штаны рвать? Мать-то, небось, ругает?

– Ругает... – соглашался Петька, шмыгал носом, извинялся, и... снова принимался за свое.

Ночью в саду было страшно и интересно, а яблок и груш у Петькиных родителей самих было навалом, так зачем просить у бабы Нади? Она просто не понимает, что дело не в яблоках, а в интересе.

Баба Надя с тревогой смотрела на задохнувшегося Петьку, который с пыхтением отстегивал крепления лыж.

– Да говори же, окаянный! – не выдержала она. – А то зараз поленом приласкаю, будешь знать!

– Не кричите, баба Надя, – степенно ответил парубок. – Отдышаться дайте! Не видите, человек дух перевести не может?

– Человек! – возмущенно завопила баба Надя. – Тебе еще до человека шагать да шагать! Сопли подотри сначала! Бери вот!

Она вручила Петьке, который то и дело шмыгал носом, часть дров и заспешила в дом. Печка уже горела вовсю, пахло дрожжами и горячим молоком.

– Садись, нехристь, – беззлобно сказала хозяйка. – Молока налью, а то вон посинел весь. Ну, рассказывай, что случилось?

– А где дядька Иван? Куды он подевался? – спросил Петька, громко потягивая молоко из чашки. – Вот вы на меня кричите, а дядька Иван как пошел в лес, так и загулял. Вы ему скажите!

– Молод ты еще, меня да дядьку Ивана учить, – ворчала баба Надя, доставая из шкафчика блюдо с печеньем. – Раз пошел, значит, надо ему! Может, хвороста набрать на растопку... Или корм зверью разбросать.

– Ничего себе... хвороста набрать! – возмутился Петька, с трудом пережевывая несколько печений, которые он одновременно засунул в рот. – Скотина третий день ревет, не кормленная. Куры кудахчут... Собака ваша воеет! Батяня мой не выдержал, ходил давать еды кроликам и корове! Это ж не дело, чтобы всему селу покоя не было!

Баба Надя так и села на лавку, потому что ноги у нее подкосились. Чужало ее сердце недоброе, а она гнала от себя страшные мысли. Больше всего ей не понравилось, что собака воеет. Дурной знак...

– К-как это третий день? – не поверила она своим ушам. – Неужто Вани так долго нету? Куды ж это он подевался?

– Так вот и я говорю, куды? Затем и пришел! Думаете, мне делать нечего, кроме как без толку по лесам бегать? Хорошо, что у меня лыжи новые. Батяня их смазал как следует...

– Постой! – перебила его баба Надя, чувствуя нарастающее беспокойство. – Иван дом и скотину бросил, и третий день не показывается?

– Ага! – кивнул головой для пущей важности Петька и почесал вихрастый затылок. – Может, он на рыбалку пошел, да поскользнулся на льду, ногу подвернул...или еще чего...

Петька отвел глаза и принялся рассматривать носки своих валенок. Тесто, которое баба Надя поставила на оладьи, приподняло крышку и медленно начало выползать из-под нее. Но хозяйке было не до теста. Вспомнилось предупреждение Марфы во сне... Сердце бабы Нади учащенно забилося, руки задрожали. Мысли, одна страшнее другой, запрыгали в голове, как сумасшедшие.

Ах, беда какая! Беда! Дурак он и есть дурак! Мог Иван с дури-то пойти на озеро, – то ли на рыбалку, то ли за кладом своим проклятым... В пустую голову глупые мысли сами лезут, как грибы после дождя! Стоило бабе Наде дурака без присмотра оставить, как на тебе... хлебай лихо полными ложками! Надо идти на озеро, искать Ивана!

– Лидка! Илья! Вставайте! – заголосила она на весь дом, забыв и про Петьку, и про всякие приличия и достоинство. – Иван пропал!

Элина уже не спала и сразу начала одеваться: валенки, полушубок, теплый платок. На улице было студено, дул ветер, кидал в лицо колкий снежок. Илья с Лидой вышли попозже, догнали бабу Надю с Элиной уже у самого леса.

– А я дядю Ваню дня три назад видела, – рассказывала Элина. – Воду из колодца брала, гляжу – он идет вдалеке, за елками, и вроде бы как не в себе: сам в своем уме разговаривает.

– И откуда это ты все знаешь? – недовольно ворчала баба Надя. – Кто что думает? Кто что сказать собирается?

Элина смутилась и пожала плечами. Она не считала это чем-то удивительным.

– Почему ты его не окликнула? – спросила Лида. – В дом не позвала?

– Так он не пошел бы... Он на озеро направился.

– Откуда ты все знаешь, девка? – проскрипел дед Илья, едва поспевая за женщинами по глубокому снегу.

– Не могу ответить, дедушка, – задумчиво произнесла Элина. – Знаю, и все! Это очень даже просто.

– Куды еще проще! – взорвалась баба Надя. – Дурак помешался совсем с кладом этим, который на озере! И чего выдумал, бузотер бестолковый, – зимой, по льду бродить... Чудо царьградское!

– Не бойсь, – успокаивал ее старый Илья. – Лед на озере крепкий. Гляди, как мороз крепчает! Никуда Ванька не денется. Может, он вовсе и не клад ищет, а рыбу ловит.

Озеро открылось, как всегда, неожиданно, – белое, как плоская чаша со сверкающим дном. Ледяная поверхность его вся была засыпана снегом. Вековые деревья в снеговых шапках, стояли вокруг, как молчаливые стражи. Даже ветер утих. Нигде не было видно ни души.

– Ну, где этот ирод по-вашему? Где это горе ходячее? – закричала баба Надя, вне себя от тревоги и страха. – Никаких следов даже нету!

– Какие следы? Метель всю ночь бушевала! – возразил Илья, прикладывая руку ко лбу козырьком и рассматривая утопающие в сугробах берега. – Ванька-а-а! Ванька-а-а! – громко звал он, но никто так и не откликнулся.

Зато неизвестно, откуда, налетели вороны, расселись по веткам, осыпая снег, раскаркались.

– Фу-ты, окаянные! – замахнулся на них Илья. – Брысь!

– Нехорошо это, – сказала Элина. – К покойнику!

– Да ты чего говоришь-то? Чего мелешь своим поганым языком? – набросилась на нее баба Надя, покраснев от быстрой ходьбы и злости. – Сама как ворона стала, каркаешь и каркаешь! Замолчи лучше!

– Ива-а-ан! Ива-а-а-н! – продолжали звать Илья и Лида.

Громкое карканье ворон было им ответом.

– Ладно, хватит орать, – баба Надя потуже завязала платок и огляделась вокруг. – Пошли! Искать надо...

Вокруг простирались снега и лес. Дед Илья с бабой Надей обошли озеро, – никаких следов Ивана. Решили посмотреть на льду, – может, лунка старая найдется или еще что. Уходить вот так, ничего не выяснив, было невмоготу.

Илья смел валенком снег, из-под которого показалась темная, зеленая толща льда.

– Как чугун! – вздохнул старик. – Такой не провалится... Видать, Ванька в лес подался.

– Чего ему в лесу делать? – взвилась баба Надя. – К озеру он прикипел, из-за клада своего дурацкого! Разум совсем потерял! А в лесу что? Из-за этого он бы скотину нипочем не бросил голодную, на произвол судьбы. Ох, неладное моя душа чувствует...

– Гляди, что там?

Дед Илья, – откуда только прыть взялась, – подскочил к едва заметному бугорку на снежной поверхности, наклонился. – Рукавица Ванькина...

Баба Надя выхватила у него из рук рукавицу, заголосила на все озеро:

– Утонул! Утонул мой Ванечка!

Слезы замерзали на ее красном от ветра лице.

– Где утонул? Полыньи не видно... – недоумевал Илья. – Просто был он тут, рукавицу потерял. Перестань вопить, девчонок испугаешь!

Лида и Элина стояли под огромной старой елью, прислушивались. Дед Илья махнул им рукой, – идите, мол, сюда. Решили искать вокруг того места, где обнаружили рукавицу... Может, еще что найдется? В двух шагах лежал замеченный снегом рюкзак Ивана. Больше ничего. Баба Надя, причитая, стала разгребать снег. Лед был корявый, весь в непонятных буграх, но прочный. В одном месте в него намертво вмерз конец веревки.

Дальнейшие поиски ничего нового не принесли. Ивана звали, бродили по лесу, где по пояс намело снега, устали, замерзли, и решили возвращаться в дом. Было непонятно, утонул Иван или нет. Куда он вообще делся?

Никто не знал, что делать. Они немного потоптались, забрали рюкзак, рукавицу и поплелись домой. Илья шагал впереди, углубившись в свои думы, за ним – баба Надя, ворча что-то себе под нос и всхлипывая. Лида и Элина вздыхали и оглядывались, словно надеясь, что вот-вот из-за елей вынырнет фигурка Ивана в старом овечьем полушубке...

На пороге дома их ждал Петька, переминаясь с ноги на ногу. Времени прошло порядочно. Мальчику пришлось несколько раз подбрасывать поленья в печку, чтобы она не потухла. Солнце клонилось к лесу.

– Я у вас ночевать останусь, баба Надя, – сказал Петька за чаем.

За столом было невесело, все молчали. Слышно было, как воет за стенами дома метель.

– Конечно. Куды ж идти по темени? Да и холодно, – согласилась хозяйка.

– Можно мне с дедом Ильей, на печке? – попросил Петька, допивая третью чашку чая с медом. – Боязно что-то...

На лесной дом, лес и озеро опустилась ледяная непроглядная ночь.

Сергей почувствовал, что лежит на каменном полу. Где-то недалеко, в густой сырой темноте капала вода. Где это он? Казалось, что над ним, сверху, – нависают тяжелые громады старых монастырских сводов, из-под которых не выберешься. Каменный мешок! Так, кажется, назывались подземелья, в которых узники исчезали навсегда, погребенные в тем-

ных глубоких колодцах? Сон, полный бредовых видений, сменялся мутным, глухим беспмятством...

Вдруг, откуда ни возьмись, наклонилось над ним лицо человека с водянистыми глазами.

– Да ты никак пьян, братец? – весело спросил человек. – Нехорошо! Что ж ты хозяина не дождался?

Горский с трудом разлепил опухшие веки и увидел, что сидит за ломящимся от еды и выпивки столом. Рядом, за окном, медленно текла Сена, на набережной таял снег. Девушки в зимних пальто нараспашку покупали пирожные, громко смеялись... Господи! Это ж надо так напиться, чтоб привиделся какой-то замок, какое-то подземелье?!

– Мы давно тут пьем? – спросил он сидящего напротив человека, очень похожего на экстрасенса Ерофеева.

Тот закатил вверх водянистые глаза, подумал и кивнул.

– Давненько. Ты раньше назначенного времени явился, ну и... выпил лишнего. Я пришел, гляжу – ты не в себе, пьян, как матрос в чужом порту.

– Извини, – промямлил Горский, чувствуя неприятную горечь во рту. – Мы знакомы?

Человек радостно засмеялся, если так можно было назвать сладенькое хихиканье, при котором его глазки стали масляными, а тонкие губы почти не двигались.

– Ну, ты даешь, братец! Видать, алкоголь на тебя сильно действует... Да-а... – вздохнул человек. – Коли забыл, – напомнить надо. Азарий меня зовут, Азарий Ерофеев. Мы с тобой в Харькове встречались, помнишь? Я тебе этот адресок дал. Думал, не придешь, а ты молодец, – не опоздал, явился точнехонько в срок! Хвалю!

Горский силился вспомнить, как он оказался в этом ресторане, но безуспешно. Ерофеева он узнал, про адрес тоже на ум пришло, – он действительно собирался встретиться с кем-то, вышел из дому... На этом все обрывалось.

– Ничего удивительного, – подумал Сергей. – Я когда на Алене женился и запил, тоже не помнил, как домой добирался. Пьянка, она память напрочь отшибает! Особенно у меня. Черт! Неудобно перед человеком. Что я ему скажу? Что забыл, зачем пришел? Фу, как глупо! И не по-деловому. За границей такого разгильдяйства не любят, – это не матушка Россия. Впрочем, этот Азарий, кажется говорит по-русски. Ну, да... Как я сразу не заметил?

– Что, стараешься вспомнить, зачем пришел? – спросил экстрасенс. – Сказать?

Горский кивнул, сгорая от стыда. Это было странно, так как стыд и угрызения совести были для него эмоциями чуждыми и практически отсутствовали.

– Ладно уж. Надо помочь соотечественнику выпутаться из неприятного положения! Верно?

Горский снова кивнул. Он словно воды в рот набрал, так ему неудобно стало перед Азарием. К тому же он вдруг сильно захотел есть. На столе стояли салаты, жареная форель с румяной корочкой, спаржа, горячий бифштекс с картофелем, торт, фрукты, сыр и несколько видов мороженого. Шампанское, коньяк и разные вина Сергея не интересовали, он и так перебрал, – но от еды он просто не мог отвести глаз!

– Секрет ты мне собирался рассказать! – громко прошептал Азарий, перегнувшись через стол и приблизившись вплотную к Сергею. – Важный секрет!

– Секрет?.. – удивился Горский. Что за чепуха?! Никаких секретов он не знает. Его что, за шпиона принимают? – Какой секрет? – переспросил он, жадно глядя на тарелку с форелью.

– Секрет превращения простого металла в золото, – произнес одними губами Ерофеев, так что собеседник едва его расслышал. – Раскрой тайну золота, и можешь идти на все четыре стороны...

Горский не выдержал и громко захохотал.

– Тайну золота? Ты шутишь, братец?! Если бы я ее знал, давно бы сам пользовался!

Он накладывает себе в тарелку салат, рыбу, мясо с картофелем и уписывает за обе щеки, уже не стесняясь, под недоброе хихиканье Азария.

– Где это ты так проголодался? – ехидно спрашивает экстрасенс, глядя на Горского злыми прозрачными глазами.

Тот старается ответить с набитым ртом, и... оказывается под столом, лежа на спине. Вокруг полная темнота.

– Свет погас, что ли? – подумал Горский, пытаясь встать. Все тело болело и ныло, как после хорошей драки. – Азарий... Азарий, помоги...

Ему никто не ответил. Откуда то сверху капала вода. Приподнявшись, Сергей увидел, что у его шикарного кожаного ботинка суется крыса. Что это? Где он?

Господи! Он же провалился в подземелье... Конечно! Сколько он тут лежит?

Горский вспомнил о еде и едва не потерял сознание. Он все понял! Это галлюцинации! Бред умирающего... Никакого ресторана не было. Это все ему привиделось! Перед смертью... Прошло уже много времени, несколько дней, или больше... Никто его не ищет и не будет искать, потому что никто не знает, куда он отправился! Ему никто не сможет помочь...

Сознание снова померкло, и Сергей провалился в тяжелый темный туман, наполненный звуками падающих капель и смертной тоской. Он чувствовал, как растворяется в этом тумане, освобождаясь от страданий и жалости к себе, от тоски по покидаемому им миру, от всего, что сковывало его свободу и легкость... Где-то далеко возникло и растаяло лицо Лиды, как возникло и растаяло все, что могло еще удержать его...

Горский увидел длинный белый скелет, едва прикрытый лохмотьями пиджака и брюк, и без сожаления и горечи понял, что это *его* скелет. Что это его тело умерло и истлело здесь, в никому не известном подземелье... И что теперь ему не надо больше ни есть, ни пить, ни дышать... ему больше не нужна одежда, крыша над головой, не нужны деньги, бизнес и деловые связи... ничего не нужно. Он свободен. Свободен!

Нахлынувшая внезапно волна отчаяния, откатилась, оставив его холодным и равнодушным к собственной загубленной жизни. Настроение менялось быстро, как узоры в калейдоскопе. Промелькнула мысль о Лиде. Она не поймет его, – подумает, что он легкомысленный Дон Жуан, завлекший ее ради забавы, и затем жестоко покинувший, без объяснений, без раскаяния... Так он поступил с Аленой, с Лили, а теперь и с ней.

Горскому захотелось оправдаться, сказать, что это не так, что... Но, увидев на кишасщем крысами полу подземелья свой скелет он понял, насколько тщетно для него все, что связано с земной жизнью и земными мерками. Вряд ли Лида будет счастлива, если он явится к ней со своими объяснениями... Интересно, в каком виде ему пришлось бы предстать перед ней? Привидением? Или «голосом» из потустороннего мира?.. И то, и другое одинаково отвратительно. Пожалуй, она смертельно испугается, вот и все!

Как забавно жизнь смешивает и тасует свою карточную колоду! То «привидением» была Лида, приводя Сергея и Алену в полуобморочное состояние, вызывая панический страх, безумие... А теперь вот настала очередь Горского! Роль привидения досталась ему! О, жизнь! Комедия масок! Иная трагедия бывает смешнее, чем веселый анекдот...

Ну, нет! Он не станет пугать свою возлюбленную. Пусть уж лучше она думает о нем все, что хочет...

В глубине подвала возникла и проявилась невысокая тощая фигура.

– Азарий, ты, что ли? – весело спросил Сергей. – Ты как сюда попал? Тоже умер? Вот не ожидал, братец, еще раз тебя увидеть! Вроде и оправдываться мне перед тобой не в чем...

– Ты так полагаешь? – ехидно поинтересовался экстрасенс, или его призрак. – А я думаю по-другому.

– Это как же?

– Ты обещал рассказать мне кое-что, поделиться информацией! А сам...

– Так я же умер! – возразил Горский. – И потом, я не помню никаких обещаний.

– У мертвых такая же короткая память, как и у живых, – притворно вздохнул Азарий. – Ну, ладно. Я не держу на тебя зла и даже готов помочь. Помолиться за упокой души, например... Бьюсь об заклад, что ты ни одной молитвы не знаешь.

– Не знаю, – согласился Сергей.

Это была правда: он интересовался в прошедшей жизни многим, но, к сожалению, не молитвами.

– Ужас! – закатил глаза к потолку экстрасенс. – Без молитвы твоя душа не найдет дорогу в Царство Усопших... Думаешь, почему ты до сих пор здесь, в этом сыром подвале, полном крыс? А?

Если бы у Горского было тело, он бы пожал плечами или развел руками в недоумении.

– Вот! – назидательно поднял палец вверх Ерофеев. – Никто не сделает это для тебя! Потому что никто не знает, где лежат твои бранные останки! Так что... я – твоя единственная надежда.

Он наклонился над скелетом и начал бормотать слова молитвы. Сергей напрягся, прислушиваясь, но ничего не понял, кроме того, что молился Ерофеев по-латыни. Отчего-то стало неуютно. Горский пытался рассмотреть, есть ли на скелете флорентийский медальон? Ведь если Азарий пожелает его забрать, то он ничем не сможет помешать ему! Эта мысль причинила боль.

Ерофеев провел рукой по скелету и поднялся, вне себя от злости.

– Куда ты дел подвеску, а? Она тебе больше не понадобится! Покойнику золотое украшение ни к чему!

Горский сделал привычный жест, проверяя сохранность медальона, но тут же понял, как глупо ведет себя. У него больше нет тела, а значит, нет и подвески. Но Азарий, кажется, тоже ее не нашел? Так ему и надо! Мародер! Собирался ограбить мертвого! Как это низко и подло!

Экстрасенс понял свою оплошность, соорудил умильно-сладкую мину, прикрыв страшные глаза синеватыми веками.

– Ну-ну, не обижайся. Хочешь, я помогу тебе? Я же маг! Ты не забыл, надеюсь? Я все могу! – Он гордо выпрямился, выставив вперед тощую грудь. – Мое настоящее имя – де Альвейр! Я Рыцарь Розы! Могу повернуть время вспять, вернуть жизнь твоему телу и выпустить тебя из этого подвала, если...ты мне кое-что расскажешь.

– Уж не секрет ли золота? – догадался Горский.

Эта мысль уже не показалась ему смешной. Слишком много неприятностей случалось с ним из-за этой тайны. Может, он и в самом деле что-то знает? Тогда почему ничего не вспоминается? Сколько он ни ломал голову, – никакого результата!

Сергей собрался было объяснить это Азарию, но...осознал вдруг, что не испытывает никакого страха. Раз он уже и так умер, и на полу подземелья лежит его скелет, то ничего худшего никто с ним сделать не может! Подумаешь, не найдет дорогу в Царство Усопших?! Как-нибудь и это уладится. Не вечно же ему сидеть здесь?

– Я уже умер, Азарий! – сказал он решительно. – И для меня в этом мире все потеряно. Так зачем я стану раскрывать тебе тайну? Пусть она будет моей... Ведь больше, похоже, у меня ничего не осталось.

С этими словами он ощутил сильный поток воздуха, который подхватил его и понес в темноту, в гулкую и туманную даль...

Неприятно, когда на лицо капает грязная вода. Горский поморщился, приходя в себя. Неужели, он все еще жив? Боже! Проклятый подвал, проклятая темнота... Или это ему снова кажется? Непослушной, одеревеневшей рукой Сергей ощупал свое тело. Оно пока еще не

напоминало скелет. Ноги, руки, – все на месте. Голова сильно болит, в груди пустота, очень хочется пить... Сколько прошло времени с тех пор, как он лежит здесь? Все его мучения еще впереди. Смерть от голода и жажды – далеко не самое приятное, что может случиться с человеком. Чертов Азарий! Он действительно приходил сюда, или это все – наваждение больного ума?.. Медальон! Эта мысль молнией вспыхнула в угасающем сознании, вырвав еще одно мгновение у застилающей его тьмы. Последнее, что Сергей успел сделать на грани забвения, – был лихорадочный поиск флорентийской подвески. Все так же ли она у него на груди? Почти ничего уже не чувствующая рука сжала золотую пластинку, удивительно теплую, гладкую, как лепесток райского цветка...

ГЛАВА 8

Рано утром следующего дня, когда солнце едва поднялось над кромкой леса, окрасив морозное небо и выпавший ночью снег в красные тона, баба Надя собирала Петьку в дорогу. Она решила, что вместе с ним пойдет в село и дед Илья. Если Иван до сих пор не вернулся, то кто-то же должен ухаживать за скотиной и птицей, кормить кроликов, топить дом...

– Ешьте! – сердито говорила она, накладывая в тарелки вкусно пахнущую горячую домашнюю колбасу, только что поджаренную. – Путь не близкий. Вон, сколько за ночь снегу намело!

Петька уписывал еду за обе щеки, а Илья жевал лениво и нехотя. Ему не очень хотелось идти в такую даль на лыжах. Да что поделаешь? Хорошо, что хоть метель улеглась... Небо прояснилось, очистилось, и до обеда не предвещало ненастья.

Лида и Элина пили чай с мятой и сушеной липой, молчали. Настроение было плохое. Вчера они сильно промерзли, разыскивая Ивана. Зима выдалась на удивление суровая, во всяком случае, всю эту неделю стоял мороз и непрерывно мело. Это было странно, потому как зимы все больше теплели, белым снегом баловали редко, в основном напоминая о себе слякотью и пронизывающими сырыми ветрами.

– Если не будете есть, желудки к спине прилипнут! – привычно ругалась баба Надя, глядя на девушек. – «Доходяги» какие-то, а не девки! С утра до вечера у плиты стою, разносолы всякие готовлю, кормлю их, кормлю, а толку? Кто посмотрит, скажет, что я вас голодом морю! От людей стыдно, ей-богу! Вы на себя поглядите, селедки сушеные! Тьфу! Дудки окаянные, прости Господи!

– А вы, баба Надя, на нас кричите, а сами об Иване думаете, – медленно произнесла Элина, кладя кусок сахара в чашку с чаем. – Боитесь, что он уже не вернется, потому что утонул. Да?

Она подняла на бабу Надю свои ясные, широко раскрытые глаза с длинными темными ресницами и мило улыбнулась, как будто сказала что-то очень приятное.

Баба Надя так и застыла с открытым ртом. Петька некстати засмеялся, а Илья с Лидой понимающе переглянулись.

С Элиной творилось что-то непонятное. Она, наверное, слишком долго молчала. А когда заговорила, то взяла себе за правило сообщать напрямую все, что думает. Это здорово шокировало окружающих. Особенно страдала баба Надя, которую Элина постоянно «выводила на чистую воду». Она делала это неосознанно, но от этого суть не менялась. Иногда баба Надя просто теряла терпение, как, например, сегодня.

– Ты что себе позволяешь? – взвилась она, как ужаленная. – Откуда ты знаешь, что я думаю? Что ты все каркаешь, как та ворона? Гляди, беду накличешь, дудка бестолковая!

«Дудками» она называла Лиду и Элину потому, что они обе были тоненькие и нескладные, «не фигуристые», как считала баба Надя, которая в женщинах ценила дородность и статью, чтобы «во всех местах было все, что положено».

Лида была светленькая и длинноволосая, а Элина темненькая и стриженная, с черными печальными глазами, которые изредка вспыхивали непонятным и мрачным огнем. «Дудки» порядком раздражали бабу Надю, главным образом тем, что мало ели и много разговаривали, поступали по-своему, не слушались советов и вели себя вызывающе, особенно Элина, которая буквально насквозь все видела и сообщала о своих догадках всем и каждому без малейшего стеснения. Что за времена настали? Никакого уважения к старшим, никакого почтения! Одни дерзость и нахальство!

Элина своим высказыванием об Иване поразила бабу Надю в самое сердце. Та действительно всю ночь напролет думала о сыне, о его неудавшейся жизни. Видно, если сразу

не заладилось, – так уж и не жди счастья. Недаром же говорят, что корабль, который однажды пошел ко дну, поднимать наверх не стоит. Все равно утонет! Так и у людей бывает... Родился Иван в грозу, под дубом, потом его, уже взрослого, судьба догнала: под этим же дубом молнией поразила, разум отняла. От судьбы не уйдешь, ее не обманешь! И озеро лесное уже один раз Ивана погубить пыталось, – но тогда баба Надя и ее муж помешали свершиться злему делу, вытащили Ванюшку, отходили... А только, видно, отсрочка это была, а не спасение.

Баба Надя гнала прочь страшные мысли, сама себя уговаривала, но сердце-вещун болело, не давало покоя. И тут еще Элина каркает, несчастье кличет! Ах, беда пришла! Сердце чует, – не вернется Иван, – а разум в это верить не хочет.

– Ты как будто радуешься! – зло сказала она Элине. – Откуда тебе знать, – утонул, не утонул?! Может, он на рыбалку отправился? Или на охоту?

– А рюкзак как же? – возразила Элина, ничуть не смущаясь. – Рукавица? Веревка, что в лед вмерзла?

– Ну и что? При чем здесь веревка? Мало ли... Полынья-то где? – баба Надя победоносно посмотрела на девушку. Наконец, она нашла неопровержимый аргумент. – Нету ее! Иван хоть и телом тощий, да ведь нужно же, чтобы лед треснул, дырка образовалась, и не маленькая, раз человек в нее проскользнул... Вот Илья с Петькой до села доберутся, а Иван, может уже там, дома, печку топит!

Элина пожала плечами. Она не знала, что возразить бабе Наде, но осталась при своем мнении.

Петька и дед Илья встали из-за стола, начали собираться в дорогу. Лида помогала старику одеться, Элина мыла посуду. Баба Надя то и дело неприязненно на нее посматривала. Как это она раньше не замечала, какая Элина неприятная? Глаза у нее черные, колючие, и вся она, как терновый куст, жесткая и в шипах. А заговорит, так хоть из дому беги, – всю правду так и режет, невзирая ни на возраст, ни на что! И кто ее только воспитал такую? Современная молодежь сплошь без царя в голове, – беспардонная и непочтительная. Алена из дому уехала, и нашла свою смерть. Это городская распущенность ее погубила, мужик этот заграничный, Сергей! Теперь за Лидку принялся, а она и рада! Ох-хо-хо... Что бабе Наде делать? Как девок обуздать? Совсем от рук отбились! И Марфы нету, не к кому за помощью бежать...

Впервые за это время баба Надя по-настоящему, искренне загоревала о матери. Как ни крути, а за Марфой она жила как за каменной стеной. Лучшего совета и желать было нечего... А теперь ей самой решать надо, – она в семье голова! И надеяться ей не на кого!

– Если Иван вернется, – наказывала она деду Илье, – отправь его сюда, в лесной дом. Пусть под моим присмотром живет, так всем спокойнее будет.

Она долго смотрела вслед двум лыжникам, удаляющимся в сторону леса, пока не заболели глаза. Солнце стояло прямо над вершинами елей. Мороз пощипывал лицо и руки. Баба Надя поправила платок, запахла тулупчик и пошла в сарай за дровами. Пора обед варить...

...Приветствую тебя, Око Великого Бога, Око Короля всех живых! Даруй нам свою силу! Наступило мгновение, и Круг жизни замкнулся...

Сергей спал и знал, что видит сон, что все это не по-настоящему с ним происходит. И Франция, и замок Мари, и подвал, – все это ему снится. Сейчас он проснется и окажется в светлой горнице, на деревянной кровати, устеленной пуховой периной и белоснежными простынями. Пахнет сушеной липой и зверобоем. На кухне баба Надя стряпает свои знаменитые пироги, в печке томится жаркое. У окна, отодвинув вышитую занавеску, сидит Лида, смотрит во двор, на засыпанный снегом сад...

А может быть, он проснется в харьковской квартире, где со стены смотрит горящими очами «Царица Змей» – картина, подаренная ему Артуром Корнилиным. Ее зеленый взор так напоминает бездонный взгляд Лиды...

Горский пытался открыть глаза, но веки были невероятно тяжелыми, неподвижными... С большим трудом удалось чуть приподнять их. В зрачки сразу ударил сильный, яркий свет, в самом центре которого – Богиня, прекрасная, юная, как весенний цветок! Она протягивает ему руки... отодвигает легчайшее, как дуновение ветерка, покрывало, за которым – великолепные дворцы, утопающие в зеленых садах; горы с белоснежными, сверкающими на солнце, вершинами; синяя, прозрачная гладь моря, сливающаяся с горизонтом...

В огромной зале с хрустальным потолком и стенами из черного мрамора, стоит золотой трон. И на том троне, весь в парче и бархате, в короне, усыпанной алмазами, восседает Владыка, подобный божеству.

Безмерное удивление охватывает Сергея, который в этом Владыке узнает... себя? Что за странные фантазии? Что за причудливые игры помутившегося рассудка? Что за восхитительный бред, от которого нет желания очнуться?

– Это все твое! – говорит прекрасная Богиня, и слова ее подобны переливам арфы в небесном дворце. А лицо ее сияет, как розовая жемчужина в глубине раковины...

– Мое? – спрашивает Горский. – За какие такие заслуги?

Его природный скепсис не позволяет ему поверить в бескорыстие щедрого дара. В этом мире свои законы, – и они диктуют свои условия. Если тебе что-то предлагают, а тем более так много и сразу, то неспроста.

– Ты знаешь тайну, которая тебе все равно не пригодится. Потому что если ты не поведаешь ее мне, то никогда не выйдешь отсюда, – с нежной, чарующей улыбкой произнесла Богиня.

Горский судорожно оглянулся и на миг увидел себя в подвале, валяющимся на грязном каменном полу, по которому бегает крысы и еще какие-то отвратительные твари, – то ли мокрицы, то ли сороконожки... В биологии он был со школьных лет профан.

Надо сказать, что эта картина «светлого будущего» ему пришлось не по вкусу. Однако, что же делать? Все требуют от него какую-то тайну, какой-то непостижимый секрет, а он... Если бы он хотя бы догадывался, чего от него хотят! Кажется, речь шла о золоте. Но при чем тут Сергей Горский, искусствовед, деловой человек, будущий писатель, наконец?.. Внезапно реальность обрушилась на него, словно ушат ледяной воды. Никакого будущего, кроме затхлого сырого подземелья у него нет! Кажется, у него даже и тела нет. Он умер, – как это принято говорить среди людей. Что же ему обещает эта красивая юная женщина в сияющих одеждах? Она говорит ему, что он станет Властелином Миров, – философом, магом, царем и любовником, – что все возможные знания и все богатства будут ему доступны... И за все это великолепие, за полное блаженства пребывание в сказочных чертогах, он должен всего-навсего рассказать секрет!

На миг Горскому показалось, что перед ним разверзлась черная бездна, в глубине которой светится зеленоватое пламя, словно на далеко запрятанный изумруд случайно упал луч неведомого светила. В его сознании вспыхнула догадка, поразившая его в самое сердце...

Он увидел неизвестный ему мир, – удивительно теплый, полный любви, нежности и переливов разноцветных энергий, – себя в нем, гордое и красивое существо, которое создает блестящие металлы и драгоценные камни не «мановением руки», а «мановением мысли»... Оказывается, это очень просто: он сам, каким-то непонятным способом, излучает поток, изменяющий внутреннюю структуру вещества по его желанию. Намерение мельчайших частиц материи существовать в том или ином виде воспроизводится в его сознании и помещается его волей внутрь обыкновенных камней, кусков металла, кристаллов... И они начинают сначала светиться изнутри зеленоватым пламенем, постепенно тускнеющим и приобретающим оттенок, а затем и блеск золота! Обыкновенные камни на его глазах становятся золотыми самородками, искрящимися алмазами, синими сапфирами... Вос-

торг наполняет сердце творца, чьи создания столь совершенны! Он действительно умеет делать это! Он...

– Кто этот таинственный и великолепный *Он* ? – подумал Сергей. – Неужели, это я? Ведь хотя от меня чего-то все эти люди? И началось это очень давно, еще во Флоренции, где мы с Антонией гуляли и целовались в тени апельсиновых рощ? Проклятые знания погубили наше счастье! И теперь они послужили причиной моей смерти. Я снова потерял женщину...

Нет! Мысль отказаться от своих сокровенных знаний показалась Горскому столь ужасной, что он тут же прогнал ее. Ни за какие блага не откажется он от этого восхитительного восторга – *творить красоту* ! – который один и есть смысл жизни, существования в бесчисленных мирах... Кто-то хочет лишить его силы, его вечного внутреннего устремления, сделать мертвее холодных камней, парящих в безжизненном черном космосе! Что за блажь пришла ему в голову?! Он едва не поддался... Нашли, чем его испугать!

Размышления Горского прервала чудесная музыка, ветерок, пахнувший цветущим миндалем, журчание фонтанов... Светлая Богиня, стройная, как кипарис, грациозная, как лань, с яркими губами на сияющем лице, шла к нему по мраморной дорожке дивного сада. Она предлагала ему все, что только может пожелать смертный. Теперь она предлагает ему себя! Если он согласится открыть ей тайну... она станет его женой...

Блистательная дама, сама Богиня, облаченная в развевающиеся белые одежды, приветливо смотрела на него, подавая золотой кубок с Нектаром Вечности. У ног красавицы изящно улеглась черная, как смоль, пантера с горящими глазами. От чаши струился дурманящий, сладостный аромат лилий...

Вот этим соблазнять как раз и не следовало. «Бесплотный дух» Горского закипел, подобно вулкану перед извержением! Он просто пришел в бешенство, – неконтролируемое и неукротимое. Ему снова пророчат свадьбу? Память услужливо предоставила картинку пьяного застолья, где он, – жених – уткнувшись лицом в тарелку, сидит рядом с ненавистной Аленой, совсем не похожей на невесту, одетой в платье из парчи и бархата, ярко накрашенной... Ну, нет! На этот крючок он второй раз не поймается! Это уж простите великодушно! Нашли приманку! И за это он еще должен раскрыть «им» свою тайну?! Не на того напали, господа колдуны, «черные маги» или как вас там!

Сергей все сильнее и сильнее распалялся; возмущение переполняло его, как пару минут назад переполняла любовь. Он испытывал неизведанное доселе наслаждение от *сотворения красоты*, – и эту великую, чудесную тайну у него хотят отнять! И что ему предлагают взамен? Снова свадьбу? Эта неизвестная ему Богиня, конечно, привлекательна. Но ведь и Алена поразила его с первого взгляда «неземной» внешностью. А на деле что вышло? Сварливая и невежественная бабенка оказалась его законной супругой! Боже, как его тошнило от одного только ее вида, от звука ее голоса, от каждого сказанного ею слова! Это была пытка, настоящая пытка – видеть ее каждый день рядом, в своей квартире, в своей постели...

Если бы у Горского было тело, он бы застонал от досады и негодования. За кого же его принимают «господа маги»? Неужели, за идиота, у которого любимое занятие – наступать на одни и те же грабли? Если они таким путем собирались выведать у него секрет, то это их роковая ошибка. Так они от него ничего не узнают! Вообще нет смысла что-либо раскрывать им. Зачем? Он мертв, следовательно, хуже ему уже не будет! А раз так...

Неизвестно, чем закончились бы далеко идущие рассуждения Горского, если бы он снова не провалился в темноту. Видение прекрасной Богини померкло и стало удаляться, пока окончательно не растаяло в недрах подземелья. Наступила глухая, безнадежная тишина, нарушаемая тоскливым капаньем воды да возней голодных крыс...

На этот раз Сергей не полностью отключился. Его сознание работало, настойчиво прорываясь сквозь туман забвения к далеким воспоминаниям. Оказывается, он действительно умеет нечто необычное! А может, и это – только бред больного воображения? Галлюцина-

ции, вызванные болью, голодом и жаждой? Вопреки сомнениям, он подумал, что схема строения золота и драгоценных кристаллов навечно запечатлена в его памяти. Все алхимические ухищрения, все многочисленные ингредиенты, якобы необходимые для свершения сего таинства, все колбы, реторты, медные чаны, тигли ¹⁹, старинные пергаменты, колдовские заклинания и прочее, – только ритуал, мишура и пустая болтовня, производимые для отвода глаз. Иногда это использовалось для ускорения процесса, но в подавляющем большинстве случаев – для «пускания пыли в глаза» излишне любопытным существам.

Горский вдруг понял, что не только в полной мере обладает, владеет этим знанием, но и может делать его недоступным для других. Как, где и когда он этому научился? И почему потом все забыл? На эти вопросы пока не было ответов, но и то, что удалось вспомнить, – оказалось потрясающим открытием! Просто потрясающим!

Внезапно, в подземелье стало чуть светлее, и Сергей увидел, что к нему приближаются три странных фигуры. Он уже ничему не удивлялся, не думал, снится это ему или происходит наяву, жив он или мертв, бред это или реальность. Он перестал гадать попусту и просто смотрел на то, что происходит. Одна фигура была тоненькая, хрупкая и слабая на вид; вторая – огромных размеров, мощная и грубая, источающая силу. Они держали за руки третьего, совершенно не похожего на них человека, изможденного, небритого, с запавшими глазами...

– Артур? – Горский не знал, верить ему или нет, но в третьем он узнал погибшего художника Артура Корнилина. – И ты здесь? Тоже пришел по мою душу? Что будешь предлагать в обмен на мою тайну? Свой талант, известность, полет фантазии? Что?

Артур ничего на это не ответил. По его худому, избитому лицу текли слезы. Огромная фигура толкнула его в спину, и художник рухнул на колени, размазывая по щекам грязь. Жалкое и отвратительное зрелище...

Горский хотел броситься другу на помощь, прекратить это унижение, но... у него не было тела. Видимо, он все-таки умер! А вместе с телом он лишился и силы, способности драться, наносить удары, вмешиваться в действия других.

Обе фигуры как будто бы засмеялись. Как будто бы... Потому что у них не было лиц, – только низко надвинутые капюшоны, под которыми таился непроглядный мрак. Узнать можно было одного Артура, поникшего, безвольного и сломленного. Глядя на друга, Сергей понял что-то важное, то, чего он раньше не осознавал. Оказывается, умереть, – это далеко не самое страшное. Вот такая полная зависимость, потеря достоинства и чести, раздавленность, какую демонстрировал Корнилин, неизмеримо хуже! Лучше уж лишиться тела, но остаться самим собой, чем так пресмыкаться, молить о пощаде и быть готовым на что угодно... Бедный, бедный Артур! Ему и в самом деле не повезло! Он даже не пустота, он...

Подходящего определения в словарном запасе Горского не нашлось. Ему захотелось повлиять на Корнилина, встряхнуть его.

– Артур! – позвал Горский, не надеясь, впрочем, что Корнилин его услышит. Ведь он отныне только дух, лишенный всех земных признаков.

Но художник вздрогнул и поднял на Сергея полные тоски и страха глаза. В них блеснуло еще что-то, – стыд! Стыд, что друг увидел его в таком ужасном состоянии, в таком жалком положении. Жгучий, невыносимый стыд! Это было уже кое-что. Горский ощутил чувства Артура как свои собственные, как если бы его кто-нибудь увидел в подобных же обстоятельствах, бессильным и ничтожным. Боль и ненависть смешались в его сердце, которое, судя по всему, давно перестало биться, но продолжало страдать.

– Артур, где мы? – спросил он уже мягче, с нотками сочувствия в голосе. – Что от нас хотят? Как ты здесь оказался? Тоже упал в подземелье?

¹⁹ Тигель – сосуд из огнеупорных материалов для плавки, варки различных материалов, проведения лабораторных химических работ.

Корнилин вздохнул, встрепенулся и собрался было сказать...но тоненькая фигурка вытянула изящную ручку и крепко зажала художнику рот.

Откуда ни возьмись, появился Азарий, в черных рыцарских одеждах. Тяжелый меч волочился за ним по полу, царапая камень; темный, как ночь, плащ развевался за плечами, хотя ветра как будто не было.

– Его душа, – рыцарь показал на Корнилина, – пребудет в вечных муках! Навсегда закроются за нею двери Ада, а черные стражи пометят ее Знаком Вечного Заточения! Она будет навеки проклята и никогда не спасется!

Под мрачными сводами подземелья раздался странный и зловещий ритм, словно невидимый шаман стучал в свой ритуальный бубен... Рыцарь де Альвейр, вассал Розы, начал однообразные круговые движения влево, закручивая и раскручивая причудливые спирали шаманского танца. Этот дикий контраст – первобытного танца и рыцарского одеяния времен доброй старой Англии или средневековой Франции, – особенно неприятно поразил Горского. Черные перья на шлеме Азария колыхались в такт надоедливому ритму, от которого начало ломить в висках, и... непреодолимый сон навалился на Сергея, подобно глыбе гранита на месте последнего успокоения славного воина.

– Никогда-а-а... – гулко раздавалось под мрачными темными сводами, с которых капала вода. – Никогда-а-а...

Сергею, который очнулся от наваждения, стало так жутко, как будто это его, а не Артура ожидает вечное проклятие и плен.

– Быть несвободным, – что может быть хуже? – подумал он. – Наверное, «они» предложат мне душу Корнилина в обмен на Тайну. Может, рассказать? Ничто в мире не стоит гибели духа, пусть даже и униженного...

– Никогда-а-а... – повторяло эхо подземелья страшное слово, произнесенное черным рыцарем.

Что-то заскрипело, завизжало, заблеяло, загрохотало, и... нестерпимый свет ударил в глаза Горскому, который задохнулся от неожиданности. Разве у него все еще есть глаза, и он все еще дышит? Яркий свет ослепил его, лишил на мгновение сознания. Что это? Преисподняя разверзлась перед ним, или райские врата?

Все исчезло, – шаманские ритмы, черный рыцарь Азарий, безликие фигуры в капюшонах, жалкий, плачущий Артур Корнилин, – все. Осталось только подземелье, которое теперь, благодаря свету, Горский смог рассмотреть как следует. Ничего особенного: грязный каменный пол, мокрые своды, осыпавшаяся земля, дырка вверху, откуда льется холодный солнечный свет... Громкое блеяние привлекло внимание Сергея, – на полу, прямо на куче земли и камней возился козленок, светленький, с маленькими рожками.

– Так я все еще жив! – догадался Горский, – Раз я вижу и слышу этого козленка, значит...

Он приподнял голову и осмотрел себя. Тело как тело, даже не сильно худое; флорентийский медальон на месте, согревает грудь. Сергей попытался встать, и это у него почти получилось. Ноги слушались плохо, потому что он долго лежал неподвижно. Ударившись затылком о пол, он, по-видимому, потерял сознание, потом начались бредовые видения, галлюцинации, разные фантазии... Такое бывает. Может, у него сотрясение мозга или еще что посерьезнее! Все, происходившее с ним в подземелье, это последствия падения и травмы головы.

Козленок, наконец, очухался и подошел к Горскому, трогая его мягкой теплой мордочкой.

– Как ты сюда попал? – поинтересовался Сергей, и вдруг понял, что козленок провалился в подземелье случайно, и что теперь они оба смогут выбраться наружу, через ту дырку,

которую он проделал при падении. Именно через нее льется свет, и через нее они выберутся наверх, к солнцу и жизни.

Сверху опять посыпалась земля, раздались громкие крики.

– Это пастух ищет козленка! – понял Сергей, и его сердце радостно забилося.

Через несколько часов, в домике у пастуха, вымывшись и переодевшись, Горский вдруг пожалел о том, что все, виденное им в бреду, в подземелье, на самом деле не существует. Ему вспомнилась Богиня, которая удивительно напоминала женщину с картины Артура Корнилина «Искушение», вспомнился сам художник... Было жаль, что он больше не увидит друга. Но особенно было жаль, что не существует Тайна, которую у него пытались выведать, и которую он сохранил, несмотря ни на что! А может...

Фантастическое предположение захватило Горского, повергло его в транс. Что, если он действительно *знает*? Ему стало холодно, потом сразу бросило в жар. Что, если... В этот миг Сергей отчетливо и ясно понял, что в дом Мари он попал не случайно, что в подземелье он тоже провалился не случайно, и что благодаря «их» попыткам выведать секрет, он *вспомнил*. Вместо злости, Горский почувствовал облегчение и благодарность к неизвестным личностям, которые заманили его в подвал. Это действительно оказалась ловушка. Сиур был прав. Прав! А Сергей его не послушал, и правильно сделал. Теперь кое-что проясняется... По крайней мере, один фрагмент головоломки лег на свое место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.